

Алексей Корепанов

ЗВЕРЬ из бездны

Алексей Корепанов

Зверь из бездны

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Зверь из бездны / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Человечеству не привыкать к «деяниям» серийных убийц. И далекое будущее тут ничего не изменит. Но расследование, которым занимается офицер Унипола Лео Грег, не вписывается ни в какие рамки. Не бывало еще такого во всей Ассоциации Миров. Чем-то нездешним веет от этих ужасных деяний. И главное — непонятна их цель. Однако отступать Лео Грег не собирается...

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Книга первая. Неведомые убийцы	5
1. Соколиная. Так начиналось…	5
2. Соколиная. Информация с Феникса	13
3. Соколиная. Начало штурма	18
4. Соколиная. Славия	22
5. Соколиная. Сводка	25
6. Соколиная. По следам	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Корепанов

Зверь из бездны

Книга первая. Неведомые убийцы

1. Соколиная. Так начиналось...

— Феникс просит помочь, они там ничего понять не могут, — сказал Кондор и протянул мне инфопласт. — Свое мнение пока высказывать не буду. Посмотришь, потом соберешь своих. Подумаете, порассуждаете. Аналогов нет, я уже проверил. Вообще дело весьма и весьма странное... Так что давай, Лео, покажите квалификацию.

Шеф смотрел на меня с таким видом, будто ожидал, что я настолько проникнусь и прочувствую, что бегом брошуся из его кабинета строить версии, ловить, вязать и доставлять. А я думал о том, что хорошо бы сделать небольшую передышку, а потом уже приступать. Утро я начал с анализа данных по группе Махача-Блендари, проверил расчеты по четырнадцати параметрам и еще раз перепроверил с помощью биокомпа, а нынче солнышко за окном уже готово было упасть за крыши... Утомили меня все эти дерзкие виражи Махача с компанией, вся эта уголовная подпольщина, пытающаяся выплыти с Соловьиной Трели.

Нужно было если не отдохнуть, то хотя бы немного посидеть, хлебнуть чего-нибудь горячего. Поэтому я положил инфопласт в нагрудный карман, выбрался из глубокого кресла (мы называли их «гнездами Кондора») и вполне откровенно сказал:

— Господин Суассар, я готов взяться за любое дело, даже без аналогов, но чуть позже.

В этот момент на необъятном столе Кондора задзенькали, залились колокольчиками сразу три визио. Тут же, вплетаясь в это перезвязивание, зашебетал фон:

— Срочный вызов! Срочный вызов! Линия ноль-ноль! Линия ноль-ноль!

— Подгорает молоко. — Кондор потянулся к визиосистеме. — Хорошо, Лео, договорились. Переведи дух — и за дело. Унипол, Суассар на связи. — Это уже относилось не ко мне.

Выйдя из кабинета шефа, я пересек наш неуютный пустынный холл с тремя сиротливыми посиневшими станусами, изображающими растительность, и подошел к прозрачной стене. Отсюда, с высоты шестого этажа, открывался неплохой вид на довольно широкий в этом месте Дунай. Его серую гладь деловито резал острым носом, двигаясь вверх по течению, разноцветный рейсовый барк. У моста медленно кружила на месте одинокая прогулочная лодка. Заходящее светило еще доставало до набережной на той стороне, и окна в зданиях над строгим рядом желтеющих сильмоний полыхали, отражая солнечный свет, как сотня пожаров.

Я рассеянно смотрел на этот привычный пейзаж и размышлял, куда бы направиться перекусить. Можно было, конечно, просто подняться в один из наших экспресс-баров. Там, в общем-то, тихо, но в любой момент может зайти кто-нибудь из знакомых, подсесть к тебе и начать интересоваться, как протекает твоя жизнь, или же излагать течение своей жизни — а я был слишком озабочен и не желал рассуждать ни о каких течениях.

Можно было поступить еще проще — взять кофе и три-четыре бутерброда и посидеть у себя в кабинете, в компании биокомпа, но мне и так предстояло, судя по всему, провести у себя в кабинете весь остаток дня и весь вечер, и, может быть, даже ночь. Если уж Кондор называет материал с Феникса странным, да еще и не имеющим аналогов... Что такое не иметь аналогов? Это значит, подобных происшествий (пока скажем именно так: происшествий) не было зафиксировано ни на одной из планет Ассоциации Миров — а таких планет уже тридцать семь — за все время существования Ассоциации.

В общем, больше всего мне сейчас подходило кафе «Якорь на дне», пристроившееся в тылу синтезтеатра, в парке, вблизи спуска к нижней набережной Дуная. Там было множество отдельных изолированных кабинок на пяти уровнях – закрывайся, располагайся хоть стоя, хоть лежа, в одиночку или вдвоем, и пей свой кофе или что-нибудь другое, отрешась от проблем. Вернее, готовясь решать новые проблемы.

«А Махача и Блендари, скорее всего, придется передать Доллинту», – подумал я, поднес к губам руку с браслетом и по трансу сообщил биокомпу, что иду на дно. То бишь в «Якорь на дне».

«Понял. Жду», – отреагировал мой помощник.

Я направился к ближайшему лифту и, спускаясь в вестибюль, вынул инфопласт с Феникса из кармана и вставил в щель канала переброски – пусть дожидается в моем кабинете. В зеркальной стенке кабины лифта я видел довольно хмурого скучного светловолосого верзилу в полосатой желто-зеленой рубашке в обтяжку и серых брюках. У верзилы был крепкий торс (не будешь держать себя в форме – можешь идти торговаться цветами, а не работать в Униполе), покрытые шрамами руки (иногда дело доходило до ножей – еще там, у нас, в окружном управлении полиции), а еще у верзилы были чуть усталые и озабоченные глаза. Собственный вид мне совершенно не понравился, и я показал язык своему отражению, одновременно получив адекватный ответ.

Створки кабины раздвинулись, я вышел и поприветствовал поднятой рукой Матти Суунксинена, заступившего на службу по охране входа в здание Унипола. С момента постройки нашей обители никому, по-моему, и в голову не приходило, что ее зачем-то нужно брать штурмом, но традиция есть традиция – не нами придумана, не нам и ломать. Никто же не отменяет ежегодные массовые купания голышом в Дунае в праздник прихода лета, хотя толку от этого купания… Специальные медбригады только успевают вылавливать и откачивать полезших в воду на пьяную голову. Хотя кое-какой толк, конечно, есть – порезвиться на пляже с десятком голеньких девчонок…

Я ткнул браслет в бдительное око анализатора – он мгновенно сличил сотню моих параметров, и заградительный барьер трансформировался в проход. Дошагал до конца вестибюля и вышел на нашу тихую улицу.

Солнце уже отслужило свое и отправилось восвояси, и небо над крышами начало приобретать тот едва уловимый лимонный оттенок, который так умилял меня, когда я впервые попал сюда, на Соколиную. Потом я привык к этому, но временами вновь умилялся, стоя ночью на своем балконе и глядя на звезды. Небо делало Соколиную какой-то очень теплой планетой, здесь нормально жилось и неплохо работалось… Правда, лучше бы вовсе не работалось – ни мне, ни всем другим сотрудникам Унипола. Лучше бы все мы остались без работы и занимались чем-нибудь другим. Но пока Униполу – «полиции Универсума» – приходилось трудиться весьма основательно.

Я брел под замершими факелами деревьев, уже готовых сбросить листву, брел, засунув руки в карманы брюк, уже расслабляясь, уже отдыхая, стараясь думать только о приятном. На набережной шуршали по пластиковому полотну дороги тихие авто, навстречу мне шли две очень симпатичные девушки, и одна из них тянула за собой на поводке смешного лохматого джонни с коротким, задранным к небу хвостом.

У меня в детстве тоже был такой джонни. Их, кажется, и завезли именно отсюда, с Соколиной. Видел я их и на Фламинго, и на Тихой Ласточке… Все-таки мне грех было жаловаться на судьбу – как-никак довелось побывать по долгу, так сказать, службы, на двух десятках планет Ассоциации, да еще и не по одному разу. Многие ли могут похвастаться таким обилием путешествий? Впрочем, на туристические вояжи они походили меньше всего.

Да... Чайка... Крыло Ворона... Гаруда... Павлиний Хвост... Жаворонок... Иволга...
Пестрая разнообразная птичья стая, и я сам – беспокойная птица, стремящаяся то туда, то сюда...

Я никогда не был силен в истории, в школе она интересовала меня гораздо меньше (если вообще интересовала), чем психология или, скажем, переменное мультимоделирование. Но легенду, а может быть, и не легенду, а правду о том, почему обитаемые миры получили имена земных птиц, я в общих чертах знал. Традиция эта сохранялась и сейчас, как и дежурство в вестибюле здания Униполя.

Произошло это в те далекие-предалекие времена, когда земляне готовили заселение первых пяти миров. Вот тогда и возник вопрос: как назвать новые планеты? Они еще не имели наименований, вернее, имели, кажется, какие-то регистрационные номера, потому что только-только были открыты с помощью нуль-перехода. Методом простого тыка.

Уж не знаю, кто и как все это там обсуждал, кто предлагал и кто отклонял, но предложения были разные. Например, дать планетам имена героических личностей. Но кого считать героями, а кого нет? И как выбрать из множества героев пятерых самых что ни на есть героических? Так же обстояло дело и с именами выдающихся ученых и мыслителей. По какому критерию производить отбор? Еще, насколько я знаю, были предложения именовать планеты просто порядковыми номерами: Первая, Вторая и так далее. Выбрать благозвучные названия из периодической системы элементов. Присвоить планетам названия цветов... Ни одно из этих предложений не прошло, споры разгорались, имея явную тенденцию продолжаться до бесконечности. Но все-таки в конце концов нашелся некий безымянный (во всяком случае, для меня) землянин, который раскопал одно определение из стихотворения древнего земного поэта Дорки или Лорки, не помню: планеты – это серебристые лебеди, это птицы. И ведь действительно он прав, тот древний земной поэт! Что такое планеты, как не птицы космоса, Универсума? Они мчатся в лучах своих солнц, рассекая грудью черные пространства, они удаляются от своих светил, но, как перелетные птицы, всегда возвращаются. У них разное оперение – пепельное, цвета спелого апельсина, палевое, изумрудное, пурпурное, лимонное...

Предложение было принято, и первые пять планет, первые пять обитаемых внеземных миров стали Серебристым Лебедем, Фениксом, Чайкой, Соколиной и Фламинго. Не знаю, кто как считает, но, по-моему, это было придумано действительно красиво.

Я дошел до конца квартала и свернул в парк. В парке было малолюдно и так тихо, словно это был не парк в центре города, а далекий лес где-нибудь за дунайскими островами. За это я тоже ценю Соколиную – на ней можно без труда отыскать множество очень тихих местечек. Миновав массивное и в то же время словно готовое взлететь здание синтезтеатра – сегодня там проецировалась синтеза «Путь к Граду Небесному», – я оказался у цели. Нырнул в темный проем входа, ступил на плавно пошедшую вниз площадку – и начал погружаться на дно.

Кабинка на пятом уровне была очень уютной. Безмолвный официант в белом поставил на столик заказанные мною кофе и бутерброды с сыром, ветчиной и латоной и удалился, бесшумно закрыв за собой дверь. Я выбрал на мелосе свою любимую песню, откинулся на спинку дивана, вытянул ноги и закрыл глаза. Все-таки перегрузки последних недель давали о себе знать. Крепко, ох, крепко пришлось потрудиться на Соловиной Трели, прежде чем мы вышли-таки на Махача...

Тихо звучала медленная музыка, голос Джузеппе Понти витал среди растений, свисающих с потолка, вьющихся по стенам, и я отдыхал на удобном диване. Я лежал на дне, словно якорь, и все у меня должно было получиться, и я мог мыслить четко и остро, и развязывать самые запутанные узлы, и находить самые скрытые, самые тайные ходы, ведущие к цели, и всегда и во всем быть победителем.

«Когда в морском пути тоска грызет матросов... Они, досужий час желая скоротать, – мягко и грустно пел Джулио Понти, – беспечных ловят птиц, огромных альбатросов... Которые суда так любят провожать...»

Я помню, как впервые услышал эту песню. Шел, кажется, второй или третий месяц моего пребывания здесь, на Соколиной, все вокруг было чужим, незнакомым, многое раздражало, многое воспринималось совсем не так, как теперь. К делам меня Кондор практически не подпускал, давал возможность освоиться, присмотреться, нагружая только материалами для работы с биокомпом, и вечера мои были длинными и однообразными. Вот тогда я и набрел на кафе «Якорь на дне» и, просматривая за чашкой кофе мем-блок мелоса, обнаружил там песню под названием «Альбатрос» в исполнении Джулио Понти. Ни песни, ни певца я не знал, но само название... Уже потом я подключил к этому делу своего биокомпа (он к тому времени стал Валентином), и мы, прикрываясь термином «служебная необходимость», вышли на информаторий Совета Ассоциации, а через него – на информаторий Земли. Собственно, никакой нужды в этом не было, но мне просто хотелось знать, кто написал слова песни с таким названием. В том, что стихи сочинил землянин, сомневаться почти не приходилось: хотя и суда, и, разумеется, матросы есть в каждом обитаемом мире, но альбатросы водятся только на Земле. На моей родине они почему-то не прижились...

Информаторий Земли блестяще справился с поставленной задачей, и Валентин сообщил мне его лаконичный ответ: «Шарль Бодлер, Франция, девятнадцатый век от Рождества Христова».

Имя жившего в древние времена землянина, конечно, ни о чем мне не говорило, но теперь, слушая «Альбатроса», я представлял человека, сочинившего эти стихи. Текст обрел автора – и какое-то внутреннее мое душевное неудобство исчезло: я дошел до истины. Наверное, это у меня профессиональное...

«Поэт, вот образ твой... Ты так же без усилия... летаешь в облаках... средь молний и громов... – продолжал заполнять все вокруг проникновенный голос певца, – но исполинские... тебе мешают крылья... внизу ходить... в толпе... средь шиканья глупцов...»

В общем-то, песня была совсем не о том, что чувствовал я, когда слушал ее. Обычные ассоциации – и виделась мне моя родина.

Альбатрос... Бесконечное детство в предгорьях Альп, бесшабашные школьные годы. Потом, под умелым нажимом отца, участкового следователя, поступление в полицейскую школу. Ну, а дальше – только два варианта: или служба в рядовом составе, или полицейский колледж. Я уже тогда терпеть не мог останавливаться на полпути, не доведя дело до конца, поэтому, конечно же, выбрал колледж. Первая попытка не удалась, я по-хорошему разозлился на себя, весь год работал в нашем карьере и готовился, готовился, готовился... И поступил. Прекрасное было времечко в прекрасном полицейском колледже прекрасного города Вечный Сад у Балтийского моря, на прекрасной планете Альбатрос!

Потом много всякого было, и я даже успел жениться – чтобы через год развестись... Полицейский участок, городское управление... Наверное, я все-таки проявил кое-какую сноровку, сумел показать себя с хорошей стороны, если был приглашен в управление округа. Дел хватало, и приходилось работать не только головой, но и руками. И головой, и руками работал я, по-моему, неплохо – во всяком случае, всегда был уверен, что справлюсь с любой задачей. Иправлялся. Да и парни у нас подобрались отменные.

А дальше, это уже года через четыре, впервые довелось проводить операцию совместно с Униполом – контрабанда, группа Дильта. И, выходит, спасибо Дильту, потому что благодаря ему я оказался в поле зрения Кондора. Еще одна совместная операция, затем приглашение к участию в работе групп Унипола на Гаруде и Крыле Ворона – это Кондор уже решил со всех сторон рассмотреть и оценить меня. Потом затаишь чуть ли не на год, и я и думать перестал об Униполе. (После я узнал, что у них просто не было вакансий. Внезапно, совершенно незапла-

нированно вакансии появились, сразу две – после схватки с группировкой Саффаха в Новом Иерусалиме, на Пеликане...)

Ну и наконец – официальное предложение Кондора, то бишь господина Суассара (родом с планеты Кондор) господину Грегу, то бишь мне, виться в ряды полицейского управления Совета Ассоциации Миров – Унипола.

Честно говоря, тяжело мне было расставаться с Альбатросом... Тем более, мне приходилось делать это впервые.

Альбатрос... Я внезапно обнаружил, что вновь, уже в третий или четвертый раз, запустил песню Бодлера.

Альбатрос... Обнаруженный тем самым методом тыка, что и первая пятерка планет. С помощью нуль-перехода. О самом грандиозном событии всех времен, давшем человечеству возможность выйти во Вселенную, – открытии явления нуль-перехода, я знал достаточно много (чего не могу сказать о других фактах земной истории – я ведь не специалист-геовед). Достаточно много, потому что в свое время история открытия нуль-перехода просто потрясла меня. Да, наверное, и не только меня... Эта история никого не могла оставить равнодушным – я так считаю. Тайна и сейчас продолжает оставаться тайной, только теперь я уже далеко не мальчишка и не юноша – и как-то смирился с тем, что есть на свете вещи, недоступные нашему пониманию. Никогда. Вернее, даже не смирился, а просто перестал думать об этом.

В изложении школьного учебника история открытия явления нуль-перехода связана с так называемым фотокинезисом, и я не вижу оснований сомневаться в правдивости учебника. Открытие возникло буквально из ничего, на абсолютно пустом месте... ну, как если бы в голове какого-нибудь первобытного дикаря возникла продуманная до деталей, до мелочей, идея поливидения. Я, разумеется, читал не только школьный учебник, и потому знал, что на Земле в те времена, так же, как и сейчас в любом из обитаемых миров, существовали люди, обладавшие уникальными способностями к телепатии, дальновидению, телекинезу, ясновидению. То есть ко всему тому, что изучала тогда и продолжает изучать сейчас парапсихология – впрочем, сейчас столь же безуспешно, как и тогда, хотя количество самых разных теорий, пытающихся все эти явления объяснить, пожалуй, перевалило уже за сотню. И это еще раз подтверждает мою убежденность в том, что есть в нашем мире явления, которые нельзя объяснить, пребывая в плоскости нашего бытия. Потому что суть их находится в иной плоскости, а точнее, в ином объеме, который охватывает и нашу плоскость... И то, что мы наблюдаем – всего лишь следы, отпечатки событий, которые происходят в ином мире, куда нам не дано заглянуть, ибо мы не можем подняться, оторваться от своей плоскости. Не можем не потому, что не хватает сил, а потому что это просто невозможно. В принципе. Ведь не дано же точке, поставленной на бумаге, приподняться над листом и заглянуть в третье измерение, обрести и познать объем... Просто не дано – и все. А кто мы, со всеми нашими обитаемыми мирами, со всем нашим непрерывно расширяющимся Универсумом? Тоже, возможно, всего лишь точки на чьем-то листе...

Итак, фотокинезис... Редкая, уникальная способность. Известно не более десятка человек, в какой-то мере обладавших ею. Опять же, давным-давно, лет за двести до начала Заселения, жил некий землянин Сериос. Он мог, напряженно и долгоглядясь в объектив фотографического аппарата, вызывать появление на пленке заданных ему образов людей и предметов. И не только заданных. То есть он как будто бы просто смотрел – а на пленке появлялось изображение, хотя перед аппаратом ничего такого не находилось... Никто из ученых не мог объяснить этот феномен. Это были следы совершенно иного мира, недоступного для нас.

А потом появился Мвангба Н'Мнгкобви. Кстати, его именем хотели назвать первую из заселяемых планет – но уж слишком труднопроизносимым было имя. Первый новый мир получил наименование Серебристый Лебедь.

Мвангба Н'Мнгкобви. Какой-то колдун из земной глубинки, читающий мысли и предсказывающий будущее. Он был способен проделывать то, чего не мог проделывать его пред-

шественник Сериос: он не только вызывал на пленке образы предметов и людей – он вызывал образы довольно отвлеченных, обобщенных понятий, если только ему достаточно взято и ясно растолковывали их суть. Либидо... Фатализм... Экранирование... Трансдуция... Панасея... Мания... Дуализм... Рефракция... Дискретность... И так далее. Другое дело, что образы эти еще нужно было как-то понять. Их расшифровкой занимался специально созданный институт, где Мвангба Н'Мнгкобви жил, не зная ни в чем отказа и не проявляя никакого недовольства по поводу столь усиленного внимания к своей персоне. Каких-то чрезвычайно выдающихся умственных способностей у него замечено не было, хотя, безусловно, он был сметлив. Скорее всего, он все-таки выступал в качестве ретранслятора тех отпечатков, которые оставляли на плоскости нашего бытия явления иного мира. Он умел – возможно, абсолютно не ведая, как это у него получается, – отыскивать и распознавать эти отпечатки. Кое-что из образов на фотографической пленке специалистам института удалось расшифровать. Специалистам Института Колдуна – так его называли в те далекие времена, в которых находятся истоки Заселения.

Не знаю, кому пришло в голову растолковать колдуна идею нуль-перехода. Впрочем, это не столь важно. Главное – ему эту идею растолковали и объяснили со всех сторон, преподнесли на блюдечке, как самое распрекрасное угощение – и он не отказался от угощения. Он проглотил его...

Это была какая-то невероятная затяжная вспышка, это был какой-то немыслимый поток. Образ за образом, образ за образом... В течение семи часов, с небольшими перерывами, работал в тот день африканский колдун, глядя в объектив и покрывая фотопленку разнообразными изображениями. Как подсчитали впоследствии, их оказалось двести тридцать два. На их полную дешифровку ушло почти двадцать лет. А затем началась подготовка к Заселению, и теория, передатчиком которой стал Мвангба Н'Мнгкобви, дала практические результаты – были проложены нуль-трассы к первым пяти внеземным мирам.

Эти двести тридцать два изображения оказались последним делом удивительнейшего человека, африканского колдуна Мвангбвы Н'Мнгкобви. Потому что вечером того же дня он умер в парке Института Колдуна от обширного кровоизлияния в мозг: отчаянные попытки реаниматоров спасти его ни к чему не привели.

Иной мир... Колдун выловил свою последнюю, самую крупную рыбу в ином мире, словно удачливый рыбак... пусть даже для него это вряд ли было удачей...

Впрочем, предположение о воздействии какого-то иного мира – это всего лишь одна из множества версий, и предложена она не мной. Я просто думаю, что она ближе других находится к истине, хотя ничего на сей счет знать нам не дано. А вообще мне временами кажется, что теория нуль-перехода была в то время подброшена землянам через колдуна для того, чтобы спасти их. А тем самым спасти и всех нас, потомков. Кем или чем подброшена – совсем другой вопрос и, вероятнее всего, безответный...

А теория оказалась как нельзя более кстати. Потому что после довольно длительного заташья Земля вступила в период очередного демографического взрыва. В сочетании с непрерывно тлеющими угольками экологических проблем – продолжающимся наступлением пустынь, исчезновением лесов и истощением почвы, – он грозил глобальным продовольственным кризисом. Последствия могли быть самыми печальными, вплоть до разрушения государственных образований и разделения всего человечества на группировки, ведущие кровавую борьбу за обладание продуктами питания. Все это вполне могло воплотиться в реальность, поскольку многолетние усилия по созданию полноценных заменителей пищевых продуктов так и не завершились хоть сколько-нибудь значительными успехами.

Опять же не знаю, кому принадлежит идея Заселения. Знаю только, что она, воплощенная в четкую программу, была обнародована гораздо позже проведения успешных экспериментов по осуществлению нуль-перехода и выбора первых пяти внеземных миров. Саму про-

граммую я никогда не читал, но мне была известна (в изложении) ее суть. А суть ее была такова: международная организация «Ад астра» («К звездам»), созданная для реализации идеи Заселения, субсидируемая большинством государств Земли, объявляла о заключении договоров с теми женщинами – будущими матерями, – которые дадут согласие на передачу эмбрионов для нужд Заселения. Договор обязывал женщин не иметь детей в течение десяти лет с момента изъятия эмбриона. В качестве компенсации предлагалась внушительная сумма (которая, впрочем, была гораздо меньше затрат любого государства, связанных с содержанием ребенка до достижения им трудоспособного возраста). Разумеется, в случае нарушения договора компенсация подлежала возврату «Ад астре».

Стоит ли говорить, что буквально в течение двух-трех земных лет для отправки по нуль-трассам на первые пять планет были подготовлены восемьсот шестьдесят три миллиона человеческих эмбрионов...

По-моему, это был очень верный ход. Мало того, что снималась угроза демографической катастрофы. Жизнь под чужими небесами начинали не взрослые переселенцы, которые до конца дней своих, возможно, не избавились бы от тоски по покинутой родине, а люди, родившиеся именно там, на Серебристом Лебеде, Фениксе, Чайке, Соколиной, Фламинго. Люди, никогда не видевшие Земли, не ступавшие по ее траве, и просуществовавшие на ней совсем недолго, еще до своего рождения, – в материнской утробе, а затем – в камерах рефрижераторов.

Конечно, контейнеры с эмбрионами нельзя было просто выбросить на поверхность новых миров, оставив на произвол судьбы. О строительстве первых поселений со всем необходимым для осуществления автономного жизненного цикла (включая производство) позаботились предварительно направленные туда квартирье-отряды. Они завезли в новые миры и семена многих земных растений. Следить за развитием эмбрионов, а затем воспитывать и обучать новое поколение внеземных людей должны были отобранные по конкурсу земляне-специалисты (их называли непонятным мне словом «менторы»). Работали они вахтовым методом, и их труд очень неплохо оплачивался организацией «Ад астра». Кроме того, как ни странно, оказалось, что довольно много землян готовы добровольно покинуть родную планету и навсегда обосноваться в иных мирах... Кстати, именно из них, а также из менторов, не пожелавших вернуться на Землю по окончании вахты, были сформированы первые внеземные правительства.

История развития обитаемых миров длинна, сложна и извилиста. Такой, наверное, и положено быть любой истории. Много всякого было... Конфликты, партизанские войны, культовые междуусобицы, попытки диктаторства... История обитаемых миров насчитывает уже несколько веков. Поначалу Земля была неким центром, метрополией, но с развитием цивилизаций в обитаемых мирах слабели связи с Землей – она не нужна была Серебристому Лебедю, Фениксу, Чайке, Соколиной, Фламинго, которые могли существовать и без нее. Но все миры были связаны нуль-трассами, в каждом из них жили именно люди, а не какие-нибудь гипотетические галактиане, их объединяли какие-то совместные интересы – и поэтому за столом переговоров было принято решение о создании Ассоциации Миров – независимых и равноправных человеческих обществ, существующих на шести планетах Галактики Млечный Путь...

Центром Ассоциации была избрана планета Соколиная (хотя представители Земли всячески возражали против этого решения, предлагая в качестве центра, естественно, собственную планету). Здесь и начал функционировать Совет Ассоциации, включающий в себя различные управления: торговое, туристическое, культурное, нуль-трасс, рубежей, полицейское – всего десятка полтора.

Да... В давние времена начинали с шести, а теперь уже – тридцать семь. И странно, что когда-то был всего лишь один обитаемый мир, всего лишь одна-единственная планета – Земля...

Я дважды бывал на Земле – по служебным делам, – и осталось у меня от этих недолгих визитов неприятное ощущение скученности, толкотни, какой-то совершенно непонятной и необъяснимой спешки и давки. Мне словно постоянно не хватало воздуха там, под пасмурным, затянутым серыми облаками, гнетущим земным небом. Другое дело – Альбатрос… Мой милый спокойный Альбатрос… И пусть сейчас я вдали от него – это не самое главное. Главное – что я всегда могу вернуться домой, и более того: я совершенно уверен, что обязательно вернусь домой…

Я медленными глотками пил кофе и слушал «Альбатроса». Я чувствовал, что теперь вполне готов к длительной вечерней и даже ночной работе.

Когда браслет слегка кольнул мое запястье, я уже управился с бутербродами, выключил мелос и прикидывал, что можно посоветовать Джি Доллинту насчет действий в отношении группы Махача-Блендари. Я включил прием и услышал голос Валентина.

– Пора бы уже и поработать, – сказал биокомп, как мне показалось, недовольно, хотя этого не могло быть: все-таки биокомп – не человек. Но, впрочем, и не совсем машина.

– А когда же прикажете отдыхать? – вопросил я без всякого напора, просто для того, чтобы показать ему: я волен в своих поступках, я сам распоряжаюсь своим временем и вообще не он здесь главный. Собственно, чашка была уже пуста, и я как раз собирался покинуть «Якорь», выныривать на свет божий и браться за информацию, поступившую из общеокружного полицейского управления Феникса.

– Информация с Феникса весьма неординарна, Леонардо-Валентин, – сказал биокомп.

– Уже иду, Валентин, – со вздохом сообщил я. Все-таки не удалось мне дожать группу Махача-Блендари…

Я всегда считал, что у меня довольно роскошное имя. Леонардо-Валентин. Господин Леонардо-Валентин Грег. В честь обоих моих чудесных, оставшихся на Альбатросе дедов, Леонардо и Валентина. Но в Управлении меня никто так не называл. Для моих парней я господин Грег, а для начальства и равных по званию – Лео. Лео – это, конечно, проще, короче и не так торжественно. А недели через три-четыре после того, как я начал работать в Униполе, мой безымянный биокомп (вернее, та его часть, что находится в моем кабинете) вполне невинно заявил, что вот, мол, у меня целых два имени, а у него, несчастного, – ни одного. Я предложил ему самому выбрать себе имя, и он без зазрения совести позаимствовал одно из моих. И стал Валентином. Дед мой по материнской линии и думать, конечно, не думал, что его кровное имя когда-то оттяпает стационарный биокомп Управления полиции Совета Ассоциации Миров…

– Иду, Валентин, – повторил я и поднялся с дивана. – Готовь торжественную встречу.

2. Соколиная. Информация с Феникса

К себе я возвращался уже вполне сосредоточенным, не глядя ни по сторонам, ни на небо. Вечерний воздух слегка посвежел, и чувствовался в нем едва уловимый намек на приближающуюся осень. Из-за широких спин зданий приплыл с площади Совета волнобразный бой часов. «Бум... Бум... Бум...» – раскатисто гудело в вечерней тишине. Было двадцать часов по времени Кремса – столицы первого округа и всей Соколиной. Время Кремса являлось официальным для всей Ассоциации Миров.

В коридоре нашего этажа было безлюдно. Те, у кого ничего не горело, уже разошлись по кафе и по домам, к ужину, поливизору, женам и детям (многие приехали сюда с семьями или обзавелись семьей уже здесь, в Кремсе). Кое-кто работал «на выезде», на других планетах Ассоциации. Те же, кто остался, не слонялись по коридору в этот вечерний час, а сидели по своим кабинетам, и не просто сидели, а делали свое дело. Например, Кондор. Почти все красавцы из моей группы. Парни из других групп. К сожалению, работы хватало...

Мне доводилось читать кое-какие древние сочинения землян насчет будущего, ожидающего, по их мнению, человечество. Наивные идеалисты считали, что там, за горизонтами настоящего, в грядущем, то есть в нашей теперешней реальности, человечество в целом и каждый человек в отдельности обязательно преобразится, обязательно изменится в лучшую сторону, будет гуманным, любвеобильным, ангелоподобным и всепрощающим, свято блюдущим библейские заветы и установки Нагорной проповеди. Эх, если бы это действительно было так... На деле же человечество, по-моему, ничуть не изменилось со времен Иисуса. Оно не стало ни лучше, ни хуже – оно продолжало оставаться самим собой, не теряя ни одного из своих закоренелых пороков, но не теряя и таких же закоренелых добродетелей. И пусть не приобретая добродетелей новых, однако и новых пороков, слава богу, тоже! Массы Добра и Зла в человеческом мире продолжали оставаться величинами неизменными, и Добра, на мой взгляд, было все-таки гораздо больше, чем Зла. Хотя мне в силу специфики профессии приходилось постоянно сталкиваться именно с проявлениями Зла. Я искоренял Зло в одном месте, прекрасно зная, что оно непременно выползет в другом. Но не было во мне чувства безнадежности и безысходности, потому что я все-таки верил: настанет время, когда выкорчеванное нами Зло уже не сможет вновь прорости в том же месте... А потом и в других местах. Если бы я не верил в это, то давно бы ушел работать продавцом цветов...

И пусть даже масса Зла пока (пока!) остается неизменной – но ведь покончено уже (хотется думать, навсегда) с такими крайними его проявлениями, как крупномасштабные истребительные войны (не будем равнять с ними вылазки теперешних сепаратистов, религиозных фанатиков и просто любителей погромов по случаю дождливой погоды – взять хотя бы боевиков с Райской Птицы!) Покончено с массовыми проявлениями Зла – а это, пожалуй, все-таки поднимает человеческие общества на качественно новый уровень.

Мда... Размышления по поводу, так сказать, глобальной проблематики, конечно, не входят в круг моих служебных обязанностей, но, думаю, такие размышления отнюдь не вредят делу. Я частенько ловлю себя на противоречиях, я понимаю, что нет в моих размышлениях твердой основы, и говорю себе, что это, наверное, и хорошо: если ты в поиске, значит, не закостенел, не затвердел, не превратился в прибрежную каменную глыбу, от которой отскакивают любые волны.

Да, человечество осталось человечеством, тем самым человечеством времен Благовещения, Вифлеемской звезды, Крещения, Нагорной проповеди, Голгофы и Воскресения, и каждый человек являл собой, в душе своей, сплав добродетелей и пороков...

И все-таки Добра было больше, потому что все тридцать семь миров Ассоциации жили, в общем-то, нормальной мирной жизнью, и большинство людей проходило свой путь от рождения до смерти, не вступая в конфликты с близкими своими и с законами.

Я, конечно, сужу со своей точки зрения, но ведь, в конце концов, мы никогда не можем с абсолютной уверенностью ответить на вопрос: правильно ли мы живем? Потому что не с чем сравнивать. Не с кем сравнивать. Обозримая Вселенная, за исключением наших тридцати семи миров, безлюдна. Не безжизненна – растительное и животное царства существуют и вне пределов Ассоциации, но – безлюдна. И мне иногда по вечерам, на моем балконе, думалось, что Вселенная создана именно для нас, людей, для человечества, и наша цель – заселить ее, обжить, навсегда наполнить жизнью. От подобных раздумий слегка кружилась голова, словно, стоя над бездной, я пытался постичь всю ее глубину, – но отказаться от этих раздумий я не мог...

Миновав небольшой бассейн с сонными рыбами, я повернулся за угол и открыл дверь своего кабинета.

– Наконец-то, – сказал из своего угла Валентин. – Я уже заждался.

– Тебе можно позавидовать. – Я прошел мимо стола и сел в кресло у окна, задрав ноги на подоконник. – Ты не нуждаешься в отдыхе.

Валентин промолчал. Я добродушно смотрел на него.

Больше всего Валентин напоминал мне поставленный вертикально большой коричневый пластиковый мешок, наполненный какой-то чрезвычайно подвижной жидкостью. В нем словно постоянно что-то беззвучно перетекало с места на место, образуя то вмятины, то выпуклости, причем происходило это движение одновременно в разных направлениях. Иногда биокомп колыхался, что называется, с головы до пят, волнообразно извиваясь и содрогаясь, готовый, кажется, выпрыгнуть из своего угла и пройтись в танце по кабинету. До такого, однако, дела никогда не доходило. Все эти эволюции Валентина, как я уже не раз мог убедиться, совершенно не зависели от степени сложности поставленных перед ним задач. Просто вот таким он был созданием. Его, это создание, вырастили из биомассы в земном городе Шарлотсвилле, и он был связан со всеми другими биокомпами Соколиной и общей компсетью планеты.

Насколько мне известно, в создании биокомпов, в отличие от нуль-трасс, земляне ободались без посторонней помощи. Биокомпы были результатом многолетних разработок, тысяч неудачных попыток, плодом долгих усилий коллективного разума. И они, и компы новой генерации, оказались столь же необходимыми помощниками, как их предки-компьютеры, и можно с уверенностью сказать, что случись им всем однажды исчезнуть – и мы оказались бы в весьма близком к первобытному состоянии.

В давние времена у землян просто дух захватывало от перспектив лавиноподобного научно-технического прогресса. Шутка ли сказать, где-то я читал: от первого перелета через земной пролив Ла-Манш до полета на естественный спутник Земли Луну прошло всего лишь шестьдесят земных лет! Примитивная винтовка чуть ли не соседствовала с атомной бомбой и лазерным оружием. Открытие радиоволн и сооружение гигантских радиотелескопов для прослушивания космоса разделяло всего три-четыре десятка лет. Первый искусственный спутник Земли был запущен почти сразу же после теоретического обоснования возможности космических полетов, и чуть ли не в том же году в космос полетел первый землянин, Юри Гагаров... Или Гагарский?

Перспективы были безоблачные, будущее представлялось сплошной цепью все новых и новых открытий, поднимающих цивилизацию на более высокие ступени развития.

А что оказалось на деле? Да, добились-таки устойчивого долголетия (что явилось одной из главных причин демографической напряженности). Да, создали отличные роботизированные производственные системы (что чуть не привело к поголовной безработице, хаосу и смуте в планетарных масштабах). Да, сотворили необъятный компьютерный мир, новую компьютер-

ную реальность, подобие жизни (а она вдруг вышла из повиновения, породив глубочайший компьютерный кризис и, соответственно, глобальную экономическую катастрофу и вынудив своих создателей уничтожить и заменить все компьютерные сети и потратить массу сил и времени на создание нового поколения компов...) И это, пожалуй, все. Чуть ли не вертикально устремившаяся вверх кривая научно-технической революции сменилась очень и очень пологим, почти незаметным подъемом, растянувшимся на века. Ничего принципиально нового (не считая, конечно, нуль-перехода). Модернизация, усовершенствование старых наработок. Унитаз с локальным разложением фекалий. Но все тот же унитаз, что и добрый десяток столетий назад. Ничего подобного внезапному прорыву в мир элементарных частиц, в мир радио, телевидения, полетов в космос... Правительство Орлиного Глаза, расцветшего благодаря торговле уникальными «слезами херувимов», может позволить себе закупить бытовые визиосистемы и персональные аэры, а тот же Феникс, например, испокон веков обходится обычновенными телефонами и старинными газовыми автомобилями. И никаких намеков на новый всплеск. Да, развиваемся, да, совершенствуемся, докапываемся до все новых и новых мелких истин в границах существующих парадигм, но в целом-то... Наверное, не случайно все это, наверное, здесь действуют какие-то пока неизвестные нам общевселенские законы, которые нельзя обойти. Возможно, только заселив всю Галактику, мы...

– Инфопласт я зарегистрировал, – сказал Валентин, прерывая мои мысли. – Начинать?

– Да. – Я снял ноги с подоконника и развернул кресло к биокомпу. – Предупреди наших, чтобы не расходились. Дино, Берта, Драгана...

– Господин Пестич в хранилище и планирует освободиться не раньше двадцати трех, – заметил биокомп.

– Вызови на двадцать два. Значит, Драгана, Фарида, Стана, Валдиса и Сергея. Все. Давай пласт.

Валентин в очередной раз колыхнулся и превратился в плоский цветной экран. Я подался вперед, всматриваясь в изображение. И мурашки побежали у меня по спине. Да, с таким мне еще не приходилось встречаться... «Аналогов нет», – сказал Кондор. Аналогов нет...

Я просмотрел пласт до конца, посидел, размышляя, чувствуя, как разрастается в моей душе тревога, и сказал:

– Прогони еще раз, Валентин.

Проделки Махача и Блендари не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидел, хотя информация с Феникса была, на первый взгляд, ничем особенным не примечательной. Погром на месте происшествия – кучабитой посуды, покалеченные кресла, несколько разбитых окон, варварски изувеченные кондиционеры. Подобное случалось при средней тяжести разборках. Но вот то, что осталось от людей... Не приходилось мне встречать такую силу, которая могла бы все это проделать. И не только мне не приходилось. В управлении первого округа и в общеокружном управлении полиции Феникса работали толковые специалисты (мне уже доводилось с ними общаться), они все делали грамотно, профессионально, по всем правилам полицейского искусства. Общая панорама места происшествия и окрестностей... Детальный анализ повреждений... Характеристика защиты здания... Реконструкция обстановки и событий в расширенном диапазоне... Линейная развертка с переходом на пятиосевую проекцию и рекомбинация по мозаичному методу... Познаковый анализ зарегистрированных останков...

Опрос свидетеля Любомира Сиракова, мастера борцовской школы «Шанс» – подробнейшие данные с предполагаемыми вариантами поведения. Черноволосый красавец-атлет с бледным лицом и сбивчивой речью.

Опрос свидетельницы Марианны Дан, балерины театра «У двух пирамид» – то же самое. Очень привлекательная, хотя и холодноватая женщина, держится скованно, индекс Домлера практически на нуле.

Анализ показаний с применением метода инверсии. Выводы.

Да, никаких претензий к полицейским работникам Феникса быть не может. Все сделано без проколов.

Ивар Ноом, телетик окружной станции. Полная, скрупулезнейшая стратификация по всем осям – и нигде ни одной зацепки. Вернее, зацепки есть, но все они доведены до финиш-анализа, квалифицированы и разнесены по итоговой объемной сетке. Наложение отсутствует…

Гости Ивара Ноома, собравшиеся в тот злополучный вечер у него дома. Опять до мелочей выверенная стратификация, финиш-анализ и итоговая сетка. Шесть наложений, каждое квалифицировано по прямому и обратному векторам с виртуальным подтверждением и последующей поэтапной проверкой… И опять ничего.

Широкозахватное (до максимума!) траление с подключением систем регенерации…

Я потирал колени и смотрел на экран. Я понимал своих коллег с Феникса. Их ни в чем нельзя было упрекнуть, они сделали все возможное. Я на их месте не сделал бы большего. И Кондор тоже. Теоретически это ужасное событие просто не могло произойти.

Практически оно произошло.

Вот как все это выглядело в изложении единственных свидетелей – Любомира Сиракова и Марианны Дан.

Вечером они сидели на веранде дома Сиракова в пригороде Авалона – столицы Феникса, беседовали, попивали легкое вино. Внезапно Сираков заметил в прилегающем к дому саду два «багровых огня», медленно скользивших между яблонями в направлении соседнего дома, в котором проживал телетик Ивар Ноом. У Ноома были гости – несколько ранее они выгрузились из дилижанса у калитки и, судя по их высказываниям, долетавшим до веранды Сиракова, были намерены гулять всю ночь, «до захода как Тристана, так и Изольды» – двух лун Феникса. Затем они зашли в дом Ноома, и что там творилось – ни Сираков, ни Дан не видели и не слышали, потому что в доме были зеркальные окна и двойная стенка звуковой защиты.

Огни приблизились вплотную к дому Ноома, на мгновение ярко вспыхнули – и пропали, словно прожгли стену и проникли в дом. Свидетели продолжали находиться на веранде – и вдруг почувствовали беспричинный страх, «волны ужаса», по определению Сиракова, которые катились от соседнего дома. А потом оттуда донеслись душераздирающие вопли, визги и прочие звуки, хотя там была двойная (!) звуконепроницаемая стенка. Потом все резко стихло, и Сираков позвонил в ближайший полицейский участок (Марианна Дан просто упала от страха в обморок).

Прибывшие полицейские обнаружили погром, а то, что осталось от людей, отдаленно напоминало выкрученное белье… Не белье даже – лохмотья. И нигде не было обнаружено никаких признаков присутствия той силы, которая сотворила весь этот ужас.

Я сидел в кресле напротив биокомпа, я был сосредоточен и встревожен. Дело Ивара Ноома вылезало за рамки обычных преступлений. У меня вдруг мелькнула мысль, что все случившееся может вовсе и не являться преступлением в нашем понимании. Свидетель Любомир Сираков сказал тогда, в тот вечер, Марианне Дан, тоже заметившей огни, что это, возможно, шаровые молнии. Итак, мы имеем дело с неизвестным природным явлением? Но разве бывают такие вот неизвестные природные явления?

– Валентин, посмотри у господина Суассара, – обратился я к биокомпу. – Не было ли запроса о природных явлениях?

Я не сомневался, что такой запрос был – Кондор ведь не школьник.

– Есть запрос, – подтвердил Валентин. – Ответ отрицательный.

Я опять с силой потер колени. Что ж, поработаем группой. Через десять минут.

– Пройдись по всем нашим накопителям, – сказал я Валентину. – Просмотри архивы, проанализируй все, что поступает по нуль-трассам. Данный инфопласт считай базовым.

– Принято.

Каждый из обитаемых миров должен был ставить нас в известность обо всех противозаконных деяниях, обо всех преступлениях и заявлениях, поступавших в управления полиции данной планеты – так было предусмотрено соответствующими договоренностями еще при создании Ассоциации. Это не значило, что мы занимались расследованием всей массы преступлений – но инфопласти со сведениями хранились в наших архивах. Без такого центра сбора информации, которую могло запросить любое полицейское управление, трудновато было бы работать и нам, и нашим коллегам на каждой из планет. И не раз уже всех нас выручали наши архивы...

Единственное, что не мог себе позволить ни один полицейский, «пол» (так мы называли себя), – это заглядывать в накопители приват-пользователей, не имея допуска. Впрочем, заглянуть туда без допуска было сложно: во-первых, информацию еще нужно было декодировать (что совсем непросто), а во-вторых, сам комп сразу определял как утечку, так и ее направление, и пользователь мог тут же подавать в суд на взломщика.

Биокомп трансформировал экран в красный квадрат допуск-запроса, а я встал и прислонился лбом к окну. Спокойно и беззаботно горели городские огни, но мне казалось, что тень тревоги расправила черные крылья над отдыхающим Кремсом...

3. Соколиная. Начало штурма

Мои парни собирались ровно в двадцать два. Я не пригласил только Джи Доллинта – ему предстояло заниматься группой Махача-Блендари, и мне не хотелось забивать ему голову посторонней информацией. Еще двое были «на выезде».

Вопросов они не задавали. Они молча расселись на подоконнике, в креслах и на моем столе, а Сергей, как всегда, оседлал экспресс-проектор.

Все они, кроме Драгана Пестича и Станислава Лешко, пришли в Унипол позже меня, после печально известного события на нуль-трассе Соколиная – Фазан. Не на самой нуль-трассе, конечно, а на входе. Там, вместе с фанатиком Куни Макалоло, погибли от взрыва пять сотрудников Униполя, включая руководителя группы Кунца. И ведь даже не на задание направлялись они, не по служебной необходимости – их пригласили принять участие в грандиозном полишуо вместе с представителями полицейских управлений всех округов Фазана. Полишуо должно было, по замыслу организаторов, обнадежить граждан, продемонстрировать наглеющим преступным группировкам всю мощь полицейского корпуса планеты и готовность Униполя в любой момент поддержать местную полицию.

Я уже довольно долго работал тогда в нашей пятой группе, «пятерке», и, пожалуй, имел не меньше оснований возглавить ее, чем Драган или Стан. Конечно, стаж их работы в Униполе был больше моего, но не стаж, в данном случае, является у нас основным критерием. Мудрый Кондор не вмешивался в наши взаимоотношения, предоставив нам возможность самим выбрать руководителя. Двое других работников «пятерки» отстранились от этих дел, готовясь перейти в набиравшуюся тогда группу инспекторов-контролеров Униполя. Их, в общем-то, можно было понять: работали они уже давно, были семейными людьми, и, устав от бесконечных операций вне пределов Соколиной, захотели более спокойной жизни.

Умом я их понимал…

И получилось так, что, обсудив наши перспективы, мы – Драган, Стан и я – договорились решить вопрос о руководителе группы с помощью самого обычного жребия. Чтобы без всяких обид. Мы сошлись на том, что жребий, то бишь случайность, ни в коей мере не является случайностью, а просто освобождает путь уже наметившейся подспудно тенденции.

Вот так я стал руководителем нашей пятой группы. Не знаю, конечно, что думали об этом Драган и Стан, но ни разу, ни при каких обстоятельствах (а сколько их было!) они не выражали недовольства по поводу именно такого исхода нашей жеребьевки…

Потом пополнили нашу «пятерку» новые люди – способные парни, прошедшие, примерно, такой же путь, какой прошел я. Все мы, я думаю, не зря ели свой хлеб. Конечно, Унипол находился, так сказать, на содержании – работу управлений Совета Ассоциации субсидировали все тридцать семь миров, – но своими успешными операциями мы с лихвой покрывали эти субсидии. Чего стоил захват только одной группировки Мерлинга, с завидным размахом орудовавшей сразу в трех мирах: на Гаруде, Серебристом Лебеде и Беркуте… А операция на Крыле Ворона и Иволге… А поимка легендарного садиста Барнетта… Ликвидация «змеиных гнезд» на Пеликане и Аисте… Вычисление местопребывания неуловимого Муртаза Цхитобавы, «нового Иисуса», провозгласившего себя преобразователем Галактики…

В общем, отнюдь не лишним чувствовал я себя и всю нашу группу в Ассоциации Миров…

Мои парни молча ждали, когда же господин Грэг соизволит пролить свет на причины столь позднего сбора.

И я пролил свет. Я почти дословно повторил то, что сказал мне Кондор, передавая информацию с Феникса, а затем Валентин продемонстрировал содержание инфопласта.

И до этого в моем кабинете было тихо – а после просмотра тишина стала прямо-таки осязаемой. Просто не верилось, что нас здесь целых восемь человек. Плюс Валентин.

Ребята молчали. По-моему, они испытывали то же самое, что уже успел испытать я.

Я их не торопил. Я давал им возможность осмыслить и обдумать. Смотрел на их сосредоточенные лица и в который раз надеялся, что мы справимся. Не можем не справиться – такая уж у нас работа…

Первым, как всегда, высказался Драган.

– Лео, – сказал он, – м-м… господин Грег. Раздайте копии – и мы подумаем.

Этого я и ожидал. Я знал, что никто из них не будет тут же лезть с какими-то версиями. Сейчас они пойдут к себе и будут думать. И выходить на связь по мере снисхождения на них озарений.

– Валентин, размножь и выдай каждому, – распорядился я и обвел взглядом парней. – Любое, самое безумное…

Я мог это и не говорить. Именно на самом безумном (Стан постарался!) мы и подобрали ключик к Муртазу Цхитобаве. На бредовейшем предположении (моем) раскрутили Мерлинга. По-моему, пласт с Феникса был из того же разряда – бредовых, невероятных… но вполне объяснимых при соответствующем подходе.

Впрочем, в этом я был пока не уверен.

Они уходили друг за другом, очень тихо и сосредоточенно. Дверь наконец закрылась, отрезав звук их шагов, – и я остался один. Вновь остался один в кабинете… Нет, не один – все они теперь были со мной, мои парни.

Продолжали спокойно светиться огни за окном, только стало их гораздо меньше – город погружался в сон.

Я снова опустился в кресло, водрузил ноги на подоконник и крепко задумался.

В школе и колледже в нас настойчиво и методично вдалбливали теорию. Так, конечно, и должно быть – без знания теории вряд ли раскроешь и пропажу носков у соседа. Но учили нас и по-другому. На примерах экстраординарных преступлений, реальных, совершенных в Ассоциации преступлений, нас учили мыслить нестандартно, выходить из обычной схемы, по которой преступник является простым смертным, действующим зачастую в состоянии аффекта, когда все его шаги можно, при умении, прочитать. Мы учились перевоплощаться, мы учились влезать в шкуру преступника, добиваясь полного отождествления, шаг за шагом прослеживая все его действия, – и, в конечном итоге, празднуя успех… Но не всегда. К сожалению, далеко не всегда. Поколения людей, сменяющиеся в течение долгих веков, продолжали оставаться в некоторой степени порочными, во всяком случае, склонными к пороку, как были порочными их прародители, изгнанные из Эдемского сада. На каждые десять тысяч праведников приходился, как минимум, один неправедный, которому плевать было на существующие (не такие уж плохие, между прочим) порядки, и который вступал в противоречие с законом.

Я лежал в своем кресле и знал, что все мои парни сейчас просматривают копии и думают, думают, думают… Я надеялся, что такими вот коллективными усилиями мы решим эту странную, эту из ряда вон выходящую задачу.

…После полуночи поступило два сигнала, от Валдиса и Фарида. И Валдис, и Фарид высказали в общем-то толковые, но все же до конца не обоснованные предположения. Валентин разбил их в пух и прах, потому что ничего принципиально нового они не несли – все это уже учили при финиш-анализе специалисты управления полиции Феникса.

Тем не менее, мы самым подробнейшим образом воссоздали ситуации на биокомпе, обкатали их по всем параметрам – и убедились в том, что эти дорожки ведут в тупик, и ходить по ним бесполезно.

Потом на связь вышел Драган. Было уже начало второго, Валентин продолжал рыскать по инфопакетам с пластами, разбираясь с деталями, анализируя и сопоставляя, а я перебрался

за стол и пытался что-то там такое сделать при помощи усложненной транс-обработки. Ничего не приступало, но я не сдавался, последовательно анализируя узлы структур.

— Лео, — сказал Драган с экрана визио. — Тебе не кажется, что кто-то испытывает новые системы?

— Почему именно в доме Ноома? — сразу же задал я встречный вопрос.

— Место выбрано совершенно произвольно. Надо же их где-то и на ком-то испытывать?

Я немного помолчал, обдумывая слова Драгана. Потом сказал:

— В общем-то, такая мысль у меня была. Значит, некто или некая группа, забравшись подальше от глаз людских, сконструировала новое оружие. Так?

— А почему бы и нет? Самородков у нас хватает. Вспомни, один только Радж Комета чего стоил...

Да, с самородками у нас в Ассоциации был порядок. Способными из складного ножа, поддержанного стандартного очистителя и парочки несовмещенных миксов соорудить широкополосный бомбард-бумеранг с весьма солидной убойной силой. Или даже пенетраторную установку для ведения боевых действий в горной местности... К тому же самородки наши отнюдь не были самоучками — в состав групп входили очень толковые и грамотные специалисты. Примеров хватало. Действительно, взять того же Раджа Комету...

— Цель? — спросил я.

Драган усмехнулся:

— Сам знаешь, Лео. Имя свое прославить в мириах и веках. Стать властелином. Истребить недостойный род людской, живущий не так, как надо. И прочее.

Конечно же, я все это знал. Испытание нового оружия... А зачем изобретать новое, когда и то, что уже имеется, вполне годится для превращения всех обитаемых миров в миры необитаемые? Впрочем, это я, Лео Грег, так считаю. Те, кто, возможно, устроил «испытание» на Фениксе, могли думать иначе. Что ж, придется заняться еще и анализом трудоустройства специалистов на Фениксе. Скажем, за последние двадцать-тридцать лет по локальному времени.

И все-таки... Человек — весьма хрупкое существо, его можно уничтожить буквально пальцем. Указательным. Простым тычком — если знать, куда и как ткнуть. Зачем же превращать его в бесформенные лохмотья? Проявление садизма? Но лица с латентными отклонениями выявляются обычно еще в перинатальный период, и за ними ведется наблюдение. Правда, здесь стопроцентной уверенности все же нет.

— Подготовь вводную по трудоустройству специалистов на Фениксе, — сказал я Драгану. — Проанализируем. Только все это неубедительно, Драган. Нет уверенности. Заметь, при финишном анализе подобная версия даже не рассматривалась. Они-то обстановку у себя знают лучше нас.

— Понимаю. — Драган вздохнул. — За неимением лучшего... Я подключался к нашим — у них пока не очень. Вообще, ребята на Фениксе постарались — по-моему, они перебрали все варианты, нам тут просто уже делать нечего...

— И?... — Я внимательно взглянул в его черные глаза под раскидистыми топорщающимися черными бровями.

— И получается такая штука: либо это вообще выходит за пределы наших понятий, либо кто-то действует по неизвестной нам схеме... а нам пока выяснился только один ее элемент.

— Пока... — задумчиво повторил я. — А по одному элементу составить представление о схеме невозможно. Значит, ты считаешь...

— Мы должны, мы вынуждены ждать, пока выяснится второй, — закончил Драган.

Ничего не сделав по одному происшествию (происшествию!..), ждать, когда случится второе, чтобы уловить хотя бы наметки системы. Хуже придумать нельзя. Ждать, когда появятся новые жертвы...

— Ладно, Драган, еще не утро. — Я потер виски. — Может быть, придумаем что-нибудь повеселее. Валентин, сообщи всем, что работать на местах по усмотрению. Можно и дома.

Сбор завтра... – я посмотрел на часы: половина второго, – то есть уже сегодня, в семь. Побеседуем.

– Принято, – сказал Валентин, продолжавший разжевывать свои инфопласты. Нагрузка у него была приличной, если учесть, что одновременно он решал и сотню задач других наших подразделений.

– Если будут зацепки, сообщай немедленно. Это относится ко всем. – Я взглянул на Драгана. Он молча кивнул. – Я домой. До встречи.

– До встречи, Лео. – Драган уголками губ обозначил слабое подобие улыбки. – Утро вечера мудренее.

Экран визио затянулся дымкой. Я поднялся из-за стола, подошел к пульсирующему в замедленном танце на месте биокомпу и похлопал его по теплому упругому «плечу».

– Сообщай немедленно, Валентин. И закончи мою транс-обработку. Приятных сновидений.

Последняя моя фраза не была шуткой. Из слов биокомпа я знал, что какой-то незагруженной частью своего существа (вещества? устройства?) он действительно видит совершенно непонятные мне (а порой и ему самому) сны, несущие информацию, которая не поступила извне, но и не содержалась ранее в биокомпе – это уже тысячи раз проверялось специалистами всех рангов...

– Принято, – повторил Валентин, и его «плечо» внезапно стало податливым, так что моя рука опустилась в подергивающуюся ложбину на теле биокомпа. Это было как бы нашим рукопожатием.

Еще раз взглянув в окно, я вышел из кабинета.

4. Соколиная. Славия

Спустившись на лифте в наши обширные подземные владения – там были гараж, склады, ремонтные мастерские и прочее, – я выбрал первое попавшееся авто (невзрачный пегий «валет» с помятым крылом) и выехал под ночное небо, поросшее одуванчиками звезд. Слева, над крышами, серебрилось одинокое шарообразное скопление – где-то там, в его глубине, затерялась пылинка Феникса, бесконечно далекая по обычным меркам и близкая наша обитаемая соседка, если устремиться к ней по нуль-трассе, дарованной человечеству с помощью великого Колдуна.

Улицы были тихими, лишь иногда встречались неспешные авто, и только на мосту через Дунай было более оживленно. Там, как всегда, бродили, целовались на скамейках и стояли у перил парочки. Группки молодежи сидели прямо на бордюре тротуаров, потягивая прохладительное и обсуждая какие-то свои проблемы. Все было, как обычно. Цепочки огней на мосту раздваивались, отражаясь в темной речной воде. Мой «валет» проворно сбежал по покатой спине моста и свернул на набережную. Тут я прибавил скорость, миновал вереницу зданий, пересек окруженную пышными каштанами пустынную площадь и углубился в свой уютный квартал.

Когда я прибыл на Соколиную, мне предложили небольшой дом в предместье, но я выбрал обычную трехкомнатную квартиру – кабинет, спальня, гостиная – в обычном городском трехэтажнике. Во-первых, дом требовал бы хоть какого-то ухода, садовых хлопот и прочего, а я не чувствовал себя готовым к подобным занятиям. Во-вторых, я знал, что не так уж и часто буду находиться в своем жилище и вообще на Соколиной – меня ждала разъездная работа. В-третьих, я не собирался на веки вечные оставаться здесь, в официальном центре Ассоциации, – все-таки я был и всегда буду альбатросцем, а не соколянином. Ну, и, в-четвертых, мне было приятно, сидя у поливизора в гостиной или работая на тренажерах в своем спортзале-бассейне, осознавать, что вокруг тоже живут люди, а над моим потолком, на крыше, в нашем саду, обитают удивительно красивые местные птицы – певучие длиннохвостые дирлиинки… В общем, вовсе не надо было мне ничего другого. Да и работа в пяти минутах езды.

Оставив авто на подземной стоянке, я прошагал через наш заросший зеленью двор и взглянул на свои окна. В одном из них, угловом – окне гостиной, – горел приглушенный свет. Это было единственное освещенное окно во всем доме. И это значило, что Славия опять заснула в кресле у поливизора, не дождавшись меня.

Так и оказалось. Разувшись в прихожей, я заглянул в гостиную – Славия спала, с ногами забравшись в кресло и опустив голову на широкий мягкий валик-подлокотник. Длинные светлые волосы свесились ей на лицо и чуть заметно колыхались в такт ее дыханию. Ладони она спрятала между сжатых бедер, словно замерзла, и от ее небольшой изящной фигурки, как обычно, слабо веяло грустью. Так веет грустью от последнего осеннего цветка на вечерней холодной заре, после которой трава покрывается инеем. Славия всегда, сколько я знал ее, была тихой и чуть-чуть грустной.

Но не в моих объятиях. Осенний цветок вдруг расцветал всей своей удивительной, полыхающей, обжигающей красотой, и каждое прикосновение к его нежнейшим лепесткам было – как удивление, как открытие, как озарение, как пение дирлиинок по утрам…

Я осторожно прошел в гостиную и выключил поливизор, оборвав какое-то разноцветное, но безобъемное и очень тихое шоу, – объем Славия убрала, а громкость оставила минимальную, так что шоу просто шептало, не тревожа ее сон. Постоял немного, глядя на нее, хрупкую, тихую, – и отправился принимать ванну.

Я встретил Славию в начале этого лета, когда вместе с Дино вернулся на Соколиную после успешной операции на Чайке. Кондор дал нам три дня на отдых (а потрудились мы изрядно, да

к тому же еще и застряли в знаменитых свистящих песках Чайки), и я слетал на море, в пляжные края, где было красиво, безмятежно и немноголюдно. Но хватило меня только на два дня такого безделья. Любой отдых, длящийся более суток, начинает меня утомлять – это я заметил за собой уже давно. Тогда я вернулся в Кремс и весь вечер провел в казино, потихоньку проигрывая остаток премии за операцию на Чайке. Я не азартный игрок, никогда не «завожусь» и всегда знаю, когда нужно встать и уйти. И могу это сделать без колебаний. К полуночи мне повезло – я взял сразу все квадраты на зеркальном заходе в «пятицветной дунайке» (а такое случается в казино не каждый день) и тем самым возместил расходы по вояжу на морское побережье. После этого я остался еще на три партии, милостиво позволив себя обыграть, дабы мои соперники не очень расстраивались. А потом заказал себе партнершу и отправился в интим-павильон. На какие-то прочные связи не было времени, да и желания тоже не было – помнилась мне моя несложившаяся семейная жизнь, и до сих пор что-то словно покалывало в душе, когда я вспоминал Бригитту…

На третий день, отоспавшись и чувствуя себя слишком уж хорошо отдохнувшим за этот краткосрочный, но вполне достаточный для меня отпуск, я загнал себя в спортзал-бассейн и вволю порезвился на тренажерах и наплавался, словно проделывал все это впервые. А ближе к вечеру, умиротворенный и расслабленный, вылез из дома, чтобы просто посидеть на скамейке у Дуная, среди людей.

И вот тут я и увидел Славию. Я бездумно смотрел на искрящуюся от солнца воду, по набережной прогуливались горожане, но эта девушка была как бы отстранена от всех. Она медленно шла сама по себе, словно окутанная невидимым силовым полем, отталкивающим все окружающее, смотрела в никуда, и я сразу уловил исходящую от нее легкую грусть, подобную слабому горьковатому аромату неведомого цветка. Я даже не помню, как она была одета, – я просто почувствовал этот слабый грустный аромат, и мне захотелось развеять его. Она села на другом краю скамейки, не замечая меня (я был уверен в этом), не замечая никого и ничего вокруг, потому что она была обращена в себя, в свою грусть.

Не знаю, как и чем мне все-таки удалось привлечь ее внимание. Может быть, она просто увидела в моих попытках к общению возможность хоть на некоторое время ускользнуть от своей грусти? Не знаю. Вот уже кончается лето, первое лето нашего знакомства, а она все так же чуточку грустна, и теперь я начинаю думать, что грустит она не о чем-то и не о ком-то – просто суждено ей быть именно такой. Есть же на свете весельчаки, которые ну просто брызжут энергией и задором, лукатся жизнерадостностью, невольно заставляя веселиться окружающих, – так почему бы не быть и противоположному типу людей? Эманация грусти, не связанная с каким-то конкретным объектом или событием, – вот что такое, по-моему, происходило со Славией.

Конечно, я мог бы осторожными расспросами попытаться что-нибудь выведать у нее (как-никак профессионал!), но я не считал себя вправе заниматься подобными вещами. Я не был с ней следователем, а она – подозреваемой, и в конце-то концов, у каждого есть право носить в себе некую тайну. Много всякой всячины постигли мы об окружающем мире, а вот можем ли, умеем ли порой разобраться в самих себе? И вполне возможно, Славия сама не знает причину своей грусти… или и нет все-таки никакой причины, а есть устойчивое, постоянное состояние души…

Я никуда не отпустил ее в тот вечер, и мы бродили по набережной, и я разливался длиннохвостой дирлилинкой. А потом мы пили чай у меня в гостиной и долго, долго, долго сидели на балконе под звездным небом, и я рассказывал ей о тех разноцветных мирах с птичьими именами, что летят сквозь пустоту там, в далеком далеке, и где я уже успел побывать. Она тихо слушала, очень внимательно слушала меня, и я радовался, что прорвался сквозь силовое поле… Потом я уложил ее спать в своей спальне, а сам отправился ночевать в кабинет и долго не мог заснуть.

Утром она ушла, но мы договорились о новой встрече, и эта встреча состоялась. Было много встреч, и теперь она просто приходила ко мне, как к себе домой, в любое время, и ждала меня, и нам было очень хорошо вдвоем... И уходила – чтобы вновь вернуться.

Мы были вместе уже почти целое лето, а я знал о ней только одно: ее имя. Славия. И больше ничего. Уверен, при моих возможностях я способен был в течение часа с помощью Валентина узнать о ней все, включая всю ее родословную вплоть до предков-землян. Но вот только зачем? Меня устраивало существующее положение дел. Более того, именно существующее положение дел меня и устраивало.

Славия... Женщина-тайна. У каждого ли есть такая женщина-тайна?...

Славия...

И между прочим, я ловил себя на том, что это на меня непохоже. Иметь, что называется, в руках тайну, и не пытаться разгадать ее?

Но мне действительно не хотелось разгадывать ее.

Я окончательно размяк в теплой воде, а ведь времени на сон оставалось совсем немного. Мысли о Славии растворились, их вытеснили другие, совершенно другие мысли. Нетерпеливо потоптавшись под сильной воздушной струей и так до конца и не обсохнув, я натянул шорты, бросил прежнюю одежду в утилизатор и, причесываясь, вернулся в гостиную.

Славия продолжала спать в той же позе, далекая от моих забот. Я, разумеется, никогда и не посвящал ее в свои заботы и дела. Погасив свет, я склонился над ней. Бережно поднял, как ребенка, и понес в спальню, ощущая сквозь тонкую ткань ее накидки теплое нежное тело.

– Лео... – Она обняла меня за шею, и легкое дыхание коснулось моей щеки. – Куда мы? Почему темно?

– Спи, спи, – сказал я шепотом, входя в спальню. – Ляг на бочок, сомкни ресницы – и дивный сон тебе приснится...

– Дивный... – прошептала она и едва слышно вздохнула. – Ох, Лео... Лео... – Она снова вздохнула. Неужели что-то мучило ее? Что?...

– Ничего не бойся, ляг – и успокойся, – продолжал импровизировать я (или эти слова в детстве говорила мне мама?)

Я опустил ее на постель и услышал, как с тихим шелестом упала на пол накидка. Сбросил шорты и лег рядом. Она прижалась ко мне, и, конечно же, мне сразу захотелось ее... но тогда мы не уснули бы до рассвета.

– Спи, Славочка. – Я поцеловал ее в податливые губы. – Мне вот-вот вставать и бежать.

Она молча погладила меня по плечу и замерла, затихла, словно превратилась в статую. Я лег на спину, закинул руки за голову и закрыл глаза. Я был готов спать глубоко и долго, а утром, проснувшись, возместить то, в чем сейчас отказал Славии... Но такое желание существовало в совершенно ином, абсолютно пока ненужном слое сознания. Потому что больше всего мне хотелось прямо сейчас почувствовать укол браслета и сообщение Валентина или любого из моих парней. И немедленно действовать, действовать...

5. Соколиная. Сводка

В темноте медленно приближались багровые огни, и темнота тоже становилась багровой, и в ней проступали какие-то смутные контуры, какие-то колышущиеся изломанные линии... Они передвигались, менялись местами, возносились и опускались, растворяясь в багровой мгле... Жаром наливалась багровая мгла, странным леденящим жаром, и вновь появились линии, теперь уже не искривленные, не изломанные, а прямые... Линии медленно скользили друг за другом, сближаясь, сближаясь... соединяясь в два треугольника, два черных треугольника на фоне багрового леденящего жара... Треугольники наплывали, почти соприкасаясь углами, наползали один на другой... Пульсировала, в каком-то мрачном ритме раскачивалась багровая нездешняя мгла... Острый конец треугольника коснулся моего запястья...

Я, задыхаясь, открыл глаза, вытер о подушку потный лоб. Оказывается, я весь был мокрым от пота.

– Закончил обработку, готов передать информацию, – сообщил биокомп.

– Сейчас, Валентин.

Я сел и осмотрелся, еще не до конца избавившись от остатков какого-то бредового сна. Голова была тяжелой. Небо за окном слегка посерело, но рассвет еще блуждал где-то за лесами, у далеких озер. Я посмотрел на браслет и убедился, что поспать мне удалось не более часа. Оглянулся – Славия лежала, свернувшись клубком, и едва слышно постанывала во сне. Я погладил ее по голове и она затихла. Не тратя времени на одевание, я голышом поспешил в кабинет. Сел в приятно холодящее кожу кресло с высокой спинкой, нашарил в ящике стола упаковку биостимулятора.

– Давай, Валентин!

Внутренне я весь уже дрожал от напряжения. Я верил, я очень хотел верить, что биокомп раскопал что-то важное.

– Здесь только сведения, зарегистрированные управлениями полиции, – предупредил биокомп.

Это было ясно и глупому ножкоглазу – откуда бы Валентину иметь другие? Он прошелся по всем архивам информации, но ведь регистрировались-то не все происшествия. Кое-кому не очень нравилось, что Унипол при необходимости может иметь сведения обо всем, подотчетном полицейской сфере суверенных планет-государств. Именно поэтому мы и держали агентов на местах. Агенты занимались аналитической работой, их ежемесячные отчеты концентрировались у Кондора и, вероятно, ничего необычного в них пока не было, иначе Кондор давно бы поднял тревогу. В общем-то лично я особой пользы от их деятельности не видел – на каждой планете хватало своих вполне квалифицированных аналитиков, но решение о создании агентурной сети принимал не я.

– Не тяни, Валентин! – взмолился я.

– Я просто предупредил, что информация может быть неполной. Даю сокращенный монтаж сводки. Двадцать девять сообщений. Приложения зафиксированы.

– Давай, дорогой, давай!

Экран на моем столе засветился. На его голубоватом фоне простирали белые строчки сообщений в изложении Валентина, составившего некий экстракт многочисленных документов, которые содержались в накопителях. Одновременно биокомп начал аудиотрансляцию.

– Черный Дрозд, тридцать пятое сентября по местному времени, одиннадцатое марта по Кремс-шкале, семнадцатый округ. Потерпевший Василис Митропулос. Обратился в участковое управление полиции с заявлением о том, что на него совершено нападение двумя вылестевшими из реки рогатыми четырех- или шестикрылыми существами с длинной черной шерстью и одним светящимся зеленым глазом посередине лба. Нанеся потерпевшему несколько

ударов по голове, нападавшие скрылись в неизвестном направлении (растворились в воздухе – по определению самого Митропулоса), завладев личным имуществом потерпевшего. Принятыми мерами розыска личное имущество потерпевшего Митропулоса не обнаружено. Характеристика проведенных мероприятий прилагается. Из эпикриза: четвертая степень опьянения, редуцированное постнартотическое состояние. Ушибы затылочной части головы.

– Бывает, – мрачно сказал я. – Если падать навзничь на прибрежные камни.

– Голубиная, – продолжал биокомп. – Седьмое декабря по местному времени, шестнадцатое марта по Кремс-шкале, двенадцатый округ. Потерпевший Ван Мин. Заявление в управление полиции сектора по поводу неоднократного появления в квартире полупрозрачных обнаженных человекоподобных существ женского пола – по определению заявителя. Отличительная черта существ: наличие дополнительных половых органов на месте рта и анального отверстия. Причина заявления: похищение данными существами личных вещей владельца квартиры. Перечень прилагается. Основание для обращения в управление полиции сектора: отказ участкового управления рассматривать заявление потерпевшего. Принятыми мерами розыска имущество Ван Мина не обнаружено. Результат скрытого наблюдения за квартирой отрицательный.

– Эротомания, – еще мрачнее пробормотал я. – Везде-то ему женские половые органы мерещатся.

– Характеристика проведенных мероприятий прилагается. Патологические отклонения, – с нажимом произнес Валентин последние два слова, – практически отсутствуют. Индекс Домлера в пределах нормы. Парящий Орел, второе марта по местному времени, двадцать девятое марта по Кремс-шкале, семьдесят третий округ. Потерпевший Хорен Алачьян. Заявление в участковое управление полиции по поводу…

– Стоп, Валентин. – Я отлепил спину от обивки кресла. Биостимулятор делал свое дело – голова становилась свежей и ясной, тело превращалось в прозрачный крепкий кристалл. – Отключи аудио, теперь я сам.

– Принято.

Валентин замолчал. Я задал медленный режим и начал внимательно просматривать строки сообщений, которые текли по экрану, перемещаясь снизу вверх. Это были, конечно, неординарные сообщения, или, скажем, не совсем ординарные сообщения, но нечто во мне, некий анализатор, то, что принято называть интуицией, пока не давал о себе знать. Да, в разных уголках Ассоциации изредка происходили весьма странные события (если, конечно, верить показаниям заявителей), но не было в них трагизма и необъяснимости происшествия на Фениксе. Странность? Да. Загадочность? Да. Но где гарантия, что показания потерпевших основаны именно на реальных фактах, а не на причудливых построениях, сконструированных их собственным внутренним миром? Да, имели, так сказать, место ушибы, переломы конечностей, сотрясение мозга, пропажи брюк, кредиток и фамильных перстней. Но ни разу нигде не находилось непосредственных свидетелей тех происшествий, что были зарегистрированы полицейскими управлениями разных миров. Вся информация о происшедшем исходила только от самих потерпевших.

Конечно, круг странных случаев не ограничивался этими двадцатью девятью сообщениями. Не во всех полицейских управлениях они регистрировались – их отметали как галлюцинации и алкогольный или наркотический бред. Да и каждый ли пойдет в полицию сообщать о том, что явился к нему ночью двухголовый синий слон с печальными глазами и уволок последние домашние тапочки?

К Валентину у меня, естественно, претензий не было и быть не могло. Валентин старательно отобрал все те происшествия, что некоторым образом вылезали за рамки и оставались необъясненными. Пока необъясненными. Но все это, чувствовал я, было не то, все это никак не лепилось в один ряд с трагедией на Фениксе.

Вот, пожалуйста, очередной пункт сводки. Пункт седьмой. Альбатрос (Альбатрос!), двадцатое Кремс-апреля, восемнадцатый округ. (Знаем, знаем, у самого детство прошло в соседнем округе – Альпы, снега, горные лыжи, масса уютных отелей в окружении альбасосен, прозрачно-звенящий воздух, пахучий глинтвейн у камина, свеча у постели, поцелуй и страстные объятия, метель за окном и снежные ванны поутру...) Некто Петер Маджинский. Провалился в расселину, застрял головой вниз, сломал при этом руку, вывихнул ступню, и никак не мог расстегнуть комбинезон и вытащить из-за пазухи транс, чтобы вызвать спасателей. Его просто заклинило между скал. Числился выехавшим из отеля, поэтому никто его не хватился, а передвижные средства оперативного наблюдения его не фиксировали из-за аномального экранирования в том квадрате.

На вторые сутки был вытащен из расселины неким серебристым великаном с безликой круглой головой (по словам пострадавшего) и перенесен на склон неподалеку от горнолыжной трассы. Где его в снегопад и обнаружил патруль спасателей. Никаких следов вокруг, естественно, не было. В расселине нашли сломанные лыжи, перчатку и клок комбинезона Маджинского, так что он, несомненно, действительно там побывал.

Выбраться оттуда без посторонней помощи, да еще и с открытым переломом руки и вывихнутой ступней, он, по единодушным оценкам специалистов, никак не мог (если, действительно, его заклинило, как он утверждал)... но мы ведь знаем множество примеров проявления скрытых возможностей человека в экстремальных ситуациях. Мать приподнимает за бампер тяжелое грузовое авто, наехавшее на ее ребенка. Человек по отвесной высокой и гладкой стене выбирается на Малиновке из весенней промоины, кишащей голодными кривозубами. Мальчик удерживает на поднятых руках рушающуюся на него каменную плиту... И все это проделывали самые обыкновенные люди, не обладающие какими-то уникальными способностями и отнюдь не подходящие под ранг супергомо.

То же самое могло случиться и с Маджинским. А насчет серебристого безликого великаны... Думаю, и не то может привидеться или пригрезиться, если сутки повисеть в тисках скал вниз головой. Основанием для обращения в полицию было желание пострадавшего (после выздоровления) организовать широкомасштабные поиски таинственного вызволителя-великаны с привлечением сил полиции и горноспасателей.

Специально такие поиски, разумеется, не проводились, но добросовестные работники участковой полиции произвели анализ данных передвижных средств оперативного наблюдения спасателей и, более того, выставили там свои стационары.

Струились, струились по экрану строки сводки. Заявление. Анализ. Заключение. Заявление. Анализ. Заключение. Кое-где – эпикриз. Ятрогения. Остаточные явления галлюциногенизации. Миражный эффект на почве той же ятрогении. Мираклизм. Криптомнезия. Тем не менее, вполне реальные телесные повреждения. Вполне реальные пропажи вещей, три пожара и две попытки самоубийства (убийства – по мнению потерпевших). И все-таки – ни одного случая с летальным исходом. Нет, никак, ну никак не могли пересекаться все эти события с фениксианским делом.

Пункт двенадцатый сводки. Райская Птица. Явление бестелесного голоса (хотя как это голос может «являться»?) с последующим пожаром и прыжками с четвертого этажа. Любопытно, что голос слышали сразу трое. Этот же голос, по их утверждению, и выбросил их из окна четвертого этажа. Заключение участковой полиции. Медицинское заключение. Факт довольно-таки примечательный, но моя интуиция молчала. Имущество застраховано на баснословную сумму, наследник одного из пострадавших вдрызг проигрался в казино накануне «явления» голоса. Но в момент происшествия находился совсем в другом месте – есть неопровергимые доказательства. Хотя вовсе не обязательно продевать все это ему самому. С другой стороны, возможно, это происшествие из разряда тех самых случаев, над обоснованием и объяснением

которых вот уже не одну и не две сотни лет бьется, набивая себе шишки, наша парapsихология...

Пункт пятнадцатый. Голубка. Некто в белом... Шестнадцатый. Опять же Голубка. Попытка самоубийства (принудительного?), телесные повреждения, мотивы не установлены. Дело довольно свежее, июньское (по Кремсу), следствие продолжается. Пункт семнадцатый. Земля... Восемнадцатый, Черный Дрозд... Двадцатый, Чайка... Двадцать первый, Чайка...

Двадцать второй. Журавлина Стая. Некто Карреро. Эвридики Карреро. (Всего лишь вторая пострадавшая женщина во всей сводке.) Нападение с целью убийства (по словам потерпевшей). Летающая белая фигура... Телесные повреждения... Шоковое состояние... Ведется расследование.

Не то, не то... Ох, и много же вас, маний человеческих, несть вам числа! Кто преследовал вас, госпожа Эвридики Карреро с Журавлиной Стai (не бывал я еще на Журавлиной Стai), кто пытался вас убить? Ваши собственные страхи?

Что-то внезапно шепнуло внутри, что-то шевельнулось. Я еще раз просмотрел двадцать второй пункт.

Одна в загородном доме, в спальне на втором этаже. Ночь. Влетающая в окно (со слов потерпевшей) огромная белая фигура. Мaska-лицо, жуткие глаза, полыхающие зеленым огнем. Прикосновение холодных рук... Женщине удалось вырваться (опять же по ее словам), и она бросилась к лестнице, ведущей в холл. Выскочила из дома, запрыгнула в флаерокиб, стартовала в аварийном режиме. Доставлена в больницу с переломами и трещинами ребер (упала на лестнице?) Никаких признаков чьего-либо постороннего присутствия в доме не обнаружено. Данные экспертизы. В настоящий момент пострадавшая продолжает находиться в больнице, итоги нарко- и психотестирования прилагаются.

Пойдем дальше. Пункт двадцать третий... Двадцать четвертый... Двадцать пятый...

Между прочим, Феникс в этом Валентиновом экстракте даже не упоминался. Ни до, ни после. Происшествие было единичным.

За окном уже вовсю резвился рассвет, когда я, теперь уже снизу вверх, вновь прошелся по всем пунктам. День начинался совсем не обнадеживающе, и утро отнюдь не оказалось мудренее вечера, как предрекал Драган. Во всяком случае, для меня. Может быть, хоть у моих парней что-нибудь выяснилось? Но ведь не выходят же на связь, не заливают водопадом плодотворных нестандартных идей...

Я еще раз погонял сводку туда-сюда и тоскливо оглядел разукрашенные в стиле «космоморб» стены кабинета.

– Эх, Валентин... Не вижу никаких аналогов.

– Совсем? – вкрадчиво осведомился биокомп.

Я подумал, похлопал себя по голой груди, потер легкую щетинку на подбородке (вот так, небритый, неумытый – и за работу), побарабанил пальцами по столу.

– Ну разве что нет полной ясности по пункту двадцать второму... и, пожалуй, двадцать седьмому.

Пунктом двадцать вторым была Журавлина Стая, госпожа Карреро. Никаких отклонений у нее до этого случая никогда не наблюдалось. Двадцать седьмым пунктом был Коршун, некто Святослав Евсеев. Демоническая черная женщина с жутким лицом, пытавшаяся задушить заявителя в его же собственной постели (опять же, по словам заявителя). Евсеев выпрыгнул в окно, вскочил в проезжающее мимо дома такси (показания водителя и пассажиров такси прилагаются), буквально вышвырнул водителя на заднее сиденье, на колени перепуганной пожилой семейной четы (кстати, жителей соседнего коттеджа, хороших знакомых заявителя), сам сел за управление и на полной скорости рванул к центру города, пресекая все попытки водителя остановить машину. Дело кончилось тем, что такси со всего хода въехало на крутом повороте в уличное ограждение и перевернулось. Сработала аварийная система, все

участники событий досыта наглотались пластопены, но никто, конечно, серьезно не пострадал – пролетели в своих коконах до ближайшего газона и благополучно приземлились. Налицо действия в состоянии аффекта. Причины, вызвавшие аффект, выясняются. Проводится медицинское обследование заявителя и следствие по его заявлению. События произошли только вчера, так что полной картины пока нет. Но известно, пожалуй, главное (для полиции, разумеется): никаких следов пребывания посторонних в коттедже господина Евсеева не обнаружено...

– Даю дополнительную информацию по пункту двадцать второму, – сказал Валентин. – Журавлинская Стая, пятнадцатое июля по местному времени, девятнадцатое августа по Кремской шкале, сорок первый округ, потерпевшая Кэрреро.

Я насторожился:

– Источник информации?

– Инфопласт приват-пользователя господина Луиса Кэрреро. Пользователь передал его полиции в интересах следствия.

В груди у меня возник и тут же исчез легкий холодок.

– Муж?

– Муж, – подтвердил биокомп.

– Ну и?...

– Господин Луис Кэрреро, совладелец и капитан-директор лидер-секции «Кэрреро А», Журавлинская Стая, сорок первый округ, Мерида-Гвадиана. Вся территория вокруг загородного дома, где произошли события, находится под наблюдением аппаратуры слежения.

– Понятно. Ревнивый муж интересуется, с кем проводит время на лоне природы его жена. – Я немного нервно потер руки. – И что же в тот день зафиксировали его наблюдатели?

– Никаких посторонних лиц на территории не было. Все шесть дней госпожа Кэрреро находилась в загородном доме вместе со своим мажордомом Энрике Торхиньо. Происшествие, согласно показаниям госпожи Кэрреро, случилось около двадцати шести ноль-ноль по местному времени. Господин Торхиньо уехал из загородного дома до этого, в четырнадцать часов, и больше не возвращался. Госпожа Кэрреро была в доме одна. Совершенно одна.

– Ну так что? – разочарованно спросил я. – У тебя же и в сводке отмечается, что никаких признаков чьего-либо постороннего присутствия не обнаружено. И местной полиции, помоему, тоже все понятно, хотя расследование они, конечно, проведут. Насмотрелась поливизора впечатлительная госпожа, а ночью после этого страшный сон привиделся – вот с перепугу и оступилась на лестнице, да еще, небось, в потемках.

– Поливизора в доме госпожи Кэрреро нет, – ответил биокомп и замолчал.

А ведь был, был-таки у него какой-то козырь, у моего славного Валентина, я просто чувствовал это! И не случайно, наверное, встрепенулось что-то у меня внутри, когда я в первый раз дошел до двадцать второго пункта сводки.

– Что же ты еще обнаружил, дорогой? – вкрадчиво спросил я, вновь вызывая на экран текст сводки.

– Я проанализировал характер телесных повреждений, с которыми потерпевшая была доставлена в больницу, – данные из накопителя третьей городской больницы Мерида-Гвадиана – и сопоставил с имеющейся у меня информацией о такого рода повреждениях. Результат весьма любопытный, Леонардо.

Я затаил дыхание.

– Пострадавшая, – продолжал биокомп, – никак не могла получить такие повреждения, упав с лестницы или выпрыгнув в окно, или ударившись о дверь. Травмировать грудную клетку подобным образом можно лишь при воздействии экзогенного концентрического силового поля, имеющего неуклонную тенденцию к схлопыванию, причем поля очень ограниченных размеров по высоте. Или же при другом внешнем – но именно внешнем – физическом воздействии. Сама себя руками с такой силой она никак не могла обхватить и сдавить, я уточнял.

– Ты хочешь сказать, что кто-то или что-то обняло ее так, что чуть не раздавило?

– Именно, – подтвердил Валентин. – Информации о генезисе любых силовых полей подобной конфигурации, подобного воздействия и подобного периода стабилизации я не обнаружил. Возможно, в данном континууме их не существует.

– Так!

Я встал и зашагал по кабинету от стола к двери и обратно. Наверное, со стороны это могло выглядеть весьма забавно – меряющий шагами кабинет совершенно голый сотрудник Унипола, – но я не думал о том, как выгляжу со стороны.

Интересная рисовалась картина. На выбор было два предположения: либо кто-то навел на госпожу Карреро некое силовое (скажем, гравитационное) поле с помощью какой-то воистину уникальной установки, находящейся вне пределов действия аппаратуры слежения капитан-директора и мужа – а таких установок в Ассоциации не водилось (о внезапной естественной гравитационной аномалии говорить не приходится – это было бы уже чудом из чудес, хотя запрос надо будет все-таки сделать). Либо потерпевшая попала в чью-то слишком уж крепкие объятия. Чьи? Медведя? (Уточнить, какие крупные животные водятся на Журавлиной… впрочем, о чем я? Эвридику Карреро находилась в доме одна!) Человека? Агрессора-галактианина, которых нет? Какого-то автоматического устройства-ловушки?

– Аппаратура слежения реагировала только на биосистемы? – резко остановившись, спросил я Валентина. – Какой тип?

– «Комплекс-плюс». Не только на биосистемы.

Все понятно. Весьма состоятельным человеком был господин Луис Карреро, коль мог позволить себе наблюдать за женой (были основания?) с помощью таких серьезных агрегатов! Система «Комплекс-плюс» фиксировала наличие и перемещение любых материальных объектов. Любой. Значит, то, что напало на Эвридику Карреро, не было материальным объектом? Откуда же тогда такие телесные повреждения? Подобного не добиться и никаким самовнушением…

Белая фигура… Влетевшая в окно белая фигура. Около полуночи по местному времени. Привидение? Зловещий ночной призрак. Дух Ночи, решивший поохотиться… или развлечься… Что-то не слыхал я об убийствах, совершенных привидениями. А багровые огни на Фениксе – тоже привидения? Тогда, конечно, не стоит и связываться, не наша это сфера. Тут уж лучше вызвать тех же парapsихологов, заклинателей или служителей Церкви.

Или – некто, замаскировавшийся под привидение и сумевший обмануть великолепную систему «Комплекс-плюс»? Тогда это – наше. Мое. А поскольку документально подтвержденных фактов явления призраков в мирах Ассоциации не зафиксировано, следует исходить из того, что преступник сработан из такой же плоти, как и я… И, возможно, раскрутив происшествие на Журавлиной Стасе, мы выйдем и на скрытые механизмы других происшествий подобного рода, и прольем свет на случившееся в доме Ивара Ноома.

Значит, нужно разобраться с Журавлиной Стасей. И разобраться на месте, поговорить с госпожой Карреро, детальнейшим образом изучить обстоятельства той ночи. Поинтересоваться мажордомом, выяснить, что он за человек, и не приложил ли руку к случившемуся.

– Валентин, через пятнадцать минут вызывай всех сюда на связь, – распорядился я. – Пойду приму душ.

6. Соколиная. По следам

Никто еще, насколько мне известно, толком не объяснил, что такое интуиция и откуда она берется. Ну да, я прекрасно знаю, что интуиция – это нюх, чутье, проницательность, это внезапный прыжок к истине, лишенный какого-либо логического обоснования, это неведомо каким путем достигнутое познание истины... Нельзя, конечно, полагаться только на интуицию, но если нет у тебя хотя бы ее зачатков – тебе можно заниматься любой работой, кроме работы в полиции. Примеров здесь тьма-тьмущая, и не только из истории, но и из деятельности нашей «пятерки», из моей собственной жизни наконец – ведь некоторые мои успехи стали успехами именно благодаря этому непонятному, но такому чудесному качеству! То же самое могли сказать о себе и мои парни. Наверное, потому именно мы и работали в Униполе...

И ведь был же, был же какой-то внутренний шепот, когда читал я строки этого двадцать второго пункта. Спасибо Валентину, помог, но и без Валентина, уверен, я вновь возвратился бы к этому пункту, потому что он не давал бы мне спокойно жить. Да, никак не можем мы разобраться в самих себе, объяснить самих себя...

Я с удовольствием, но нетерпеливо покрутился под холодным душем, побрился, оделся и вернулся в кабинет. К Славии я заглядывать не стал – пусть себе спит спокойно. Все-таки было совсем рано, даже дирлилинки еще не проснулись.

– Соединяй, – сказал я Валентину и вновь уселся в кресло, теперь уже имея вполне респектабельный вид.

Мой подвесной экран разделился на прямоугольники, и возникли в прямоугольниках слегка заспанные лица работников нашей «пятерки».

– Доброе утро, господа, – поприветствовал я парней. – Не снились ли вам продуктивные сны?

Особо оживленными я их назвать не мог. Если бы у них были идеи – они бы давно меня разбудили.

– Вряд ли можно считать мой сон продуктивным, господин Грег, – нехотя сказал Сергей, – но все же почему бы не рассмотреть данный случай как проверку сил, пристрелку... или изучение нашей реакции? Я имею в виду ксенопроникновение. Маловероятно, но ведь все-таки, в принципе, возможно?

Мда-а, идея была далеко не блестящей. Если списывать все тяжелые случаи на инопланетян, то можно жить припеваючи, не слишком напрягаясь. Бесполезное это дело – ловить инопланетян...

– В принципе-то возможно, Сережа, – сказал я. – Но давай эту версию оставим на крайний случай. У кого-нибудь есть что-то еще?

– Наведенное силовое поле, – подал голос Берт. Он пришел к нам сравнительно недавно. – Я собрал кое-какую информацию – вероятность имеется. Стоило бы пройтись по фениксианским специалистам, проверить, кто чем дышит.

– Согласен. – Я кивнул и посмотрел на Драгана.

– Вводная по трудоустройству специалистов готова, – сказал он. – Можно запускать.

– Что еще? – спросил я.

Парни молчали.

– Ладно, даю дополнение. Валентин, ознакомь со сводкой.

– Принято.

Я поднялся и пошел готовить кофе. Интересно, уцепится ли кто-нибудь из них за двадцать второй пункт? А на Коршун, к господину Евсееву, направится Валдис. Вероятность того, что все это звенья одной цепи, конечно, мизерная, но мы пока не настолько богаты, чтобы проходить мимо возможных следов.

Вообще, если разобраться, в Ассоциации чуть ли не ежедневно происходят всякие удивительные, странные события, которые с трудом поддаются объяснению в рамках существующих теорий. А то и вообще не поддаются. Мы буквально втискиваем, вколачиваем эти события в наши теории, но все равно то тут, то там торчат острые углы, и все равно остается неудовлетворенность... Взять хотя бы сообщения из регионов, поступающие в Совет Ассоциации. Загадочные исчезновения людей... Непонятные знаки, пропадающие на окнах домов... Черная стена, возникшая посреди Северного океана на Гаруде, и тут же исчезнувшая. Характерными очертаниями она весьма напоминала Великую Китайскую стену на Земле – описания очевидцев этого феномена сходятся до деталей... Пролет целого облака светящихся шаров над одним из городов Жар-Птицы, вызвавший не поддающееся контролю чувство необъяснимого страха, охватившего, по данным опроса, каждого третьего горожанина... Каменный дождь у Больших Озер на Полете Цапли. И ведь не просто камни сыпались с безоблачного неба, а, как показало расследование, специальные небольшие блоки, которые в незапамятные времена применялись на Земле в жилищном строительстве и назывались «кирпичами». Откуда взялись эти «кирпичи» на Полете Цапли, если и на Земле-то подобных зданий давным-давно не осталось? Тогда у Больших Озер не обошлось без жертв... Огромное пассажирское судно, обнаруженное без пассажиров и экипажа в одном из морей Перепелки. И никаких следов аварии или паники, и до сих пор не найдено ни одного тела, а глубины там совсем небольшие... Необъяснимый «эффект клетчатого неба» над южным полушарием Снегиря. Тоже, между прочим, были пострадавшие – почему-то исключительно женщины в возрасте от сорока до сорока пяти, не имеющие детей, ниже среднего роста. Вот, пожалуй, и все, что их выделяло в какую-то особых группу... И так далее.

Никакого состава преступления в этих случаях обнаружено не было. Не исключено, что нет состава преступления и в трагедии на Фениксе. Просто раз за разом, так же, как и сотни лет назад, нечто (Вселенная?) показывает нам (или некто показывает нам?), что оно гораздо сложнее, чем мы думаем, что между явлениями существует множество связей, о которых мы и не подозреваем, и которые, скорее всего, нам так и не удастся нашупать... Наши мерки далеко не всегда годятся для Вселенной.

Это, конечно, нужно принимать в расчет и все-таки – не опускать руки и стараться выявить как можно большее число таких связей. Я, во всяком случае, думаю именно так.

Кофе у меня всегда получался чуть похуже, чем в «Якоре». Я вымыл чашку и решил, что пора возвращаться в кабинет – у парней было достаточно времени, чтобы ознакомиться со сводкой и пораскинуть мозгами.

Я не ошибся – они уже оживленно переговаривались, и видно было, что дело перестало казаться им почти безнадежным. Я еще не дошел до кресла, когда Стан напористо обратился ко мне:

– Господин Грег, готов поработать по Журавлиной Стве. Чувствую, есть там какая-то зацепка.

Молодец, Стан! А ведь он пока ничего не знает о Валентиновом анализе телесных повреждений, причиненных госпоже Карреро.

– Извини, но Журавлиной займусь я сам, – сказал я. – Валдис будет работать по Коршуну. Драган координирует и замещает меня. А ты, Стан, прозондируй все, что известно о гравитационных аномалиях. И вообще возьми на себя вопросы по силовым полям. Вместе с Бертом. Не возражаешь?

Стан покусал губу, но возражать не стал.

– Сергей – повторные запросы по остальным пунктам сводки, – продолжал распоряжаться я. – Дино – трудоустройство специалистов, вводная у Драгана. Запускай прямо сейчас, там объем приличный. Интервал сам подберешь. И, естественно, всем – самостоятельная раз-

работка собственных версий. – Я взглянул на Сергея. – Не исключая и возможность ксенопроникновения.

– Не слишком ли узко берем? – спросил Фарид. – Лучше уж потом отсекать, чем добавлять.

– Что предлагаешь?

– Анализ не только полицейских сводок, но и медицинских заключений. Особенно по линии психотерапии.

Я мысленно прикинул предполагаемый объем работы в этом направлении. Объем получался солидный. Очень солидный. Что ж, надо тянуть за любую ниточку. Возможно, в лавинах информации удастся отыскать определенные закономерности, найти какой-то след...

Да будут благословлены имена создателей биокомпов! Без них на сбор и обработку информации ушло бы у нас, я думаю, никак не меньше пяти-шести сотен лет – при условии круглосуточной работы без перерыва на обед...

– Медицинские заключения... – повторил я и надавил ладонью на крышку стола. – Согласен. Рыбачить так рыбачить. Но прежде наведи справки – может быть, кто-то занимался таким анализом?

– Есть, – сказал Фарид. – И еще: шестнадцатый пункт. Голубка. И семнадцатый. Земля. По-моему, есть некоторое...

– Действуй, Фарид, – прервал я его. – Я же сказал: самостоятельная разработка собственных версий. И все – Драгану. По зернышку, по веточке... Валентин, фиксируй конкретные мероприятия.

Всегда, при каждом расследовании, наступал у нас такой период, когда дело доходило до вполне определенных действий. Под ногами ощущалась уже довольно твердая почва, и нужно было как можно быстрее шагать и шагать по ней – к цели. Если бы еще эта цель внезапно не ускользнула, как случалось порой...

Мы все утрясли, мы все обсудили и согласовали, и разложили по полочкам. Нет, не все, конечно, а только то, что удалось предусмотреть. А ведь вполне могло быть и так, что истина притаилась в совсем другой стороне. Но, во всяком случае, начало было положено.

Экран погас, парни ринулись в бой, и мне тоже следовало поспешить на Журавлиную Стацию. Валентин выяснил, что нуль-переброска на эту планету в созвездии Льва производится в семь ноль-ноль.

Было уже начало шестого, на крыше пробовали голос дирлилинки, и я решил, что пришло время побеспокоить Кондора. Тем более, я знал, что он, конечно же, ждет, когда мы хоть чемнибудь разродимся. Таков был наш Кондор – не в его стиле было подгонять или постоянно напоминать. Зачем дергать лишний раз, если дергает само случившееся?...

Кондор высушал меня, не перебивая, а, выслушав, коротко сказал:

– Действуй, Лео.

Я видел, что он озабочен еще чем-то – таких групп, как наша, была у господина Суассара без малого дюжина, и занимались они отнюдь не расследованием карманных краж.

Кондор провел ладонью по широкому, с небольшими залысинами лбу, словно стирая невидимый пот.

– Подключать кого-нибудь?

– Нет, господин Суассар, пока не надо.

– О возможности нового оружия думали?

– Да.

– И что решили?

Я неопределенно развел руками.

– Ясно. Кто займется Махачем?

– Доллинт.

– Хорошо. Докладывай по необходимости. – Кондор опять провел ладонью по лбу. – На Парящем Орле серьезно заворожились...

Я вспомнил вчерашний трезвон у него в кабинете, срочный вызов по линии ноль-ноль и сочувственно кивнул. Жизнь бурлила и клюкотала.

– Все, вперед! Удачи, Лео.

– Спасибо. И вам, господин Суассар.

Я в последний раз прошелся по кабинету, мысленно проверяя, не упустил ли что-нибудь. Нет, все, кажется, в порядке. Хотя все ли в порядке – покажет будущее.

– Я поехал, Валентин. Пожелай счастливого пути. И не забудь передать мой допуск на Журавлинью Стая.

– Счастливого пути, Леонардо-Валентин, – сказал биокомп. – Насчет допуска не беспокойся. Между прочим, в третьей декаде вероятность дождей в сорок первом округе и, в частности, в Мерида-Гвадиане – семьдесят семь процентов. Так что не промокни.

Славия спала тихо, все так же свернувшись клубком, словно и во сне защищалась от кого-то, словно старалась отгородиться от какой-то угрозы. Впрочем, все это были мои собственные, ни на чем не основанные домыслы. Я не стал будить ее – зачем? – и оставил записку: «Я на Журавлиной. Вернусь завтра-послезавтра. Целую». Сунул в карман легкой куртки чистый вок-диск для записи возможных показаний, прихватил расческу и пакетик «сосалок» и пустился в путь по маршруту Кремс, Соколиная – Мерида-Гвадиана, Журавлиная Стая. В путь, протяженностю, если не ошибаюсь, в три десятка с лишним парсеков.

По улицам ползали огромные коробки поливалок. Мощные водяные струи с веселым шумом смывали пыль с мостовой и, превращаясь в быстрые ручьи, вприпрыжку неслись вдоль тротуаров. Небеса были выспавшимися, умытыми и безмятежными, вдоль пляжа, у кромки воды, бегали трусцой пенсионеры. В свежем воздухе витал аромат цветов – так всегда пахло в Кремсе уходящее лето. По Дунаю неспешно плыл широкий бревенчатый плот, и посередине плота, возле будки, застыли две женщины в купальниках, подняв вверх руки. Заряжались вместо завтрака питательной энергией космоса. Все шло своим чередом...

Транспорта было пока немного, и я без помех пересек центральный район, выехал на широкий проспект и погнал свой «валет» прямо навстречу восходящему солнцу. Пробежали мимо пригородные коттеджи, окруженные садами, проспект незаметно перетек в шоссе, и по обеим сторонам дороги потянулись удивительно красивые красновато-желтые рощи пламеналий. Где-то к концу октября, после первых коротких дождей, должны были появиться в этих рощах толстенькие красноголовые соколята – вкуснейшие в жареном виде грибы, особенно хорошие под темным книттельфельдским соусом.

Движение стало чуть более оживленным, навстречу мне летели юркие «валеты», приземистые, похожие на сплюснутые змеиные головы «рамсинги» и роскошные, но немного неуклюжие «островитяне» – это стекалось в Кремс к началу рабочего дня население окрестных городков, где жизнь была подешевле, чем в столице. Мой «валет» нырнул в низину, взобрался на пологий холм, и справа, за деревьями, я увидел темный купол нуль-порта. Он всегда напоминал мне какой-то древний земной храм с объемками в давней детской книжке.

Притормозив на повороте, я свернулся к этому куполу, перевернутой чашей вздымающейся над равниной, и опять, в который раз, восхитился его грандиозностью. Чем ближе я подъезжал к нему, тем яснее становилось, что размерами он не уступает целой горе. А ведь этот защитный купол был только наружной, надземной частью уходящего в глубину сложнейшего технического сооружения, позволяющего любому желающему буквально несколькими шагами добираться до далеких планет. С помощью великого Колдуна земляне сумели вылезти из своего перенаселенного скромного домика в окрестностях звезды Солнце и действительно стали жителями Вселенной... ну, не Вселенной, но – Галактики.

Временами, когда я, глядя на звезды, размышлял об этом на своем балконе, у меня просто дух захватывало от осознания головокружительной огромности космических расстояний. От осознания того, что если вдруг в один далеко не прекрасный день разладятся или и вовсе исчезнут наши нуль-трассы, мы никогда больше не сможем добраться друг до друга. В сущности, вся наша Ассоциация держалась только на нуль-трассах. Исчезни они – и все мы окажемся затерянными в космической беспредельности, и навсегда разорвутся наши связи, и каждый обитаемый мир останется в вечном одиночестве.

Это невозможно? Но если верно древнее изречение: «Бог дал, бог и взял»?...

Я остановил авто на площади перед закрывшим небо куполом и вышел. Вдоль нуль-порта протянулась редкая цепочка машин. В последний раз взглянув на небо, я зашагал к широким дверям, ведущим в другие миры.

Внутри нуль-порта было прохладно и немноголюдно. Я миновал светящиеся указатели и, пройдя наклонным спиралеобразным коридором, вошел в круглый зал для пассажиров, направляющихся на Журавлиную Стацию. Набрал заказ на пульте системы обслуживания, вставил в прорезь приемника служебную кредитную карточку – вояж за счет Унипола, – дождался тройного короткого сигнала и получил свою карточку обратно.

Табло показывало шесть тридцать восемь. Я сел в одно из кресел, полукольцом расставленных вдоль стен, и осмотрелся. Кроме меня, в путешествие на Журавлиную Стацию собирались еще пять человек. Двое мужчин в строгих костюмах – судя по всему, то ли коммивояжеры, то ли коммерсанты. Молодая женщина с маленькой девочкой, болтающей ногами в кресле и жующей хрустелки. Поджарый старик в пестрых шортах и клетчатой майке, играющий сам с собой в «ково-ково» на раздвижной доске с мигающими имитаторами. Нуль-переход был весьма и весьма дорогим удовольствием, да и не столь часто у рядового жителя той же Соколиной вдруг возникало желание нанести визит на Чайку или Гаруду. Зачем? Хорошо отдохнуть, имея средства, можно и не покидая родную планету. Разве что из любопытства, из тяги к переменам, к разнообразию впечатлений, есть ведь такая категория людей – туристов по своей натуре. Но таких было не слишком много. Преобладающую долю передвижений по нуль-трассам (приходилось мне заниматься и подобной статистикой) составляли деловые визиты, а также путешествия, вызванные некоторыми личными обстоятельствами. Среди них главенствующую роль играло оформление наследства и, как ни печально, вопросы, связанные с уголовными делами. Частенько нуль-трассами пользовались или пытались пользоваться люди, не ладящие с законом. У меня, как представителя Унипола, не возникало проблем с передвижением, а вот другие пассажиры и их багаж подвергались тщательному контролю. Отдельные группировки раз за разом пытались склонить Совет Ассоциации к отмене этого контроля, ущемляющего права личности, но Совет на это не шел. И, по-моему, очень правильно делал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.